

A close-up, high-angle shot of a woman's mouth. She has bright red, glossy lipstick. Her mouth is open, showing her teeth. The two front teeth are noticeably longer and sharper than the others, resembling fangs. Her tongue is visible, resting against the bottom teeth. The background is a soft, out-of-focus skin tone.

16+

**ОЛЬГА
ГРИБОВА**

ОХОТНИК НА
ВАМПИРОВ.

ПРОПАСТЬ

Охотник на вампиров

Ольга Грибова

Охотник на вампиров. Пропасть

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Грибова О.

Охотник на вампиров. Пропасть / О. Грибова — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Охотник на вампиров)

Охотник и вампир не могут быть вместе – вот основное правило того мира, в котором живет Влад Климентьев, охотник на нечистую силу. Но что делать, если он уже однажды поступил в соответствии с этим правилом, и, как оказалось, был не совсем прав? С каждым новым днем ему все сложнее жить вдали от любимой. Его тянет к ней даже несмотря на то, что она вампир. Как же ему удастся справиться с этим чувством одиночества и тоски? С помощью работы. Именно охота дает ему необходимую отдушину и возможность забыться хотя бы на время. А как переживает этот разрыв девушка-вампир? Ей тоже есть чем заняться, ведь ее нашли старые «друзья», встречи с которыми она так тщательно избегала довольно долгое время. Теперь ей предстоит бороться за свою свободу всеми доступными средствами, и очень жаль, что рядом нет любимого человека, который мог бы ей в этом помочь. Вторая книга из серии "Охотник на вампиров"

Содержание

Часть 1. Семейные ценности	5
Глава 1. Зеркало	6
Глава 2. Голод	10
Глава 3. Встречи	16
Глава 4. Побег	22
Глава 5. Решение	27
Глава 6. Дом	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Часть 1. Семейные ценности

Дымное исчадьё полнолуныя,
Белый мрамор в сумраке аллея,
Роковая девочка, плясунья,
Лучшая из всех камней.
От таких и погибали люди,
За такой Чингиз послал посла,
И такая на кровавом блюде
Голову Крестителя несла.
Анна Ахматова «Надпись на портрете»

Глава 1. Зеркало

Зеркало. Ровная холодная поверхность, которой дана великая сила отображать мир. Равнодушное к чужому горю или радости, оно не имеет своего «я», каждый раз принимая облик того, кто в него смотрит. В детстве я боялась зеркал. Мне казалось, они только и ждут, чтобы затащить меня в свой перевернутый мир. Как это ни странно, но со временем это убеждение только окрепло.

Когда я поняла, *чем* я отныне являюсь, меня почему-то сразу же посетила мысль о зеркале. Смешно, но я испугалась, что больше не увижу своего отражения. Человеку необходимо видеть себя со стороны, это дает ему ощущение реальности, и иногда, когда ему нравится то, что он видит, дарит уверенность в себе. Но если ты – одно из самых совершенных (в том числе внешне) существ в мире, зачем тебе смотреть на свое отражение?

Возможно, именно отсюда родился миф, что вампиры не отражаются в зеркалах. Спешу вас разуверить – еще как отражаются. Просто им не нужны зеркала. Они не заглядывают в них украдкой, проходя мимо и поправляя рукой прическу. К чему это, если прическа всегда в идеальном состоянии? И тем более они не проводят часы перед зеркалом, любясь собой или, наоборот, испытывая отвращение к увиденному. Ведь интерес к созерцанию того, что никогда не меняется, постепенно угасает.

Прошло уже почти тридцать лет, а я до сих пор помню, как впервые увидела новую себя. Что бы вы почувствовали, подойдя к зеркалу и увидев там вместо привычного отражения нечто совсем иное? Лично я была напугана.

Я провела тогда у зеркала очень много времени, разглядывая то, чем я стала. Это был единственный случай, когда я действительно внимательно смотрела на свое отражение. До сегодняшнего дня.

Я снова стою перед зеркалом, пристально вглядываясь в себя, и меня посещают странные мысли. Я думаю о том, откуда взялось это большое, в человеческий рост, зеркало в доме среди леса. Какому шутнику пришло в голову принести его сюда? Но это было еще до меня, я вижу лишь результат чьих-то трудов – зеркало на стене. Самое обычное зеркало без рамы, просто серебристая панель, закрепленная на стене. С двух сторон от него прибиты гвозди, и на протянутой между ними веревке висит занавеска. Старая линиялая ветхая занавесь. Кажется, тронь ее – и она рассыплется в прах. Я никогда раньше не прикасалась к ней. Может быть, потому, что боялась порвать непрочную ткань, но скорее всего просто не хотела видеть то, что за ней скрывается. Зеркало.

Почему именно сегодня мне взбрело в голову снова заглянуть в его глубины? Чтобы убедиться, что я все еще здесь? Что, несмотря на то, что мой мир рухнул полчаса назад, я все еще жива (если это слово вообще применимо к вампирам)?

В прошлый раз меня сильнее всего поразили собственные глаза. Ведь глаза – это еще одно зеркало; зеркало души. К тому времени я уже несколько месяцев, как была обращена, но окончательно осознала, что у меня больше нет души, только разглядывая свое отражение. Глаза, смотревшие с поверхности зеркала, не были моими. Они принадлежали той, что пришла после моей смерти. Взгляд стал более внимательным и настороженным, он как будто постоянно искал что-то; даже цвет глаз изменился. Конечно, у меня всегда были голубые глаза, но не такие яркие, неестественно синие. У людей не бывает глаз *такого* цвета; он пугал меня и отталкивал.

И потом – волосы. Мои были темными и густыми, но не настолько. Казалось, что все мои качества гипертрофировались, превратив меня в некую карикатуру на себя прежнюю. Но эта карикатура была прекрасна, и от этого становилось совсем не по себе.

Я сделала еще один шаг к зеркалу, подойдя почти вплотную. Где-то там за этой маской все еще скрывалась девочка с длинными косичками и восторженным взглядом на мир, считавшая,

что самое плохое, что может случиться в жизни – это если папа не даст ей денег на кино. Где она теперь?

Не знаю, сколько времени я простояла, глядя на собственное отражение. Возможно, прошли лишь минуты, но мне они показались часами, если не годами. Постепенно глаза перестали видеть реальность, и я погрузилась в иной мир, как Алиса в Зазеркалье. Перед внутренним взором проносилась прошлая жизнь. Или, может, это было лишь отражение в зеркале?

Я помню нестерпимо жаркое лето. Мы поехали к морю. Море, песок, компания друзей – что еще нужно для счастья шестнадцатилетней девчонке? Я увидела его, когда наступили сумерки, и подростки разожгли костры по всему пляжу. Отовсюду доносились музыка и смех, в воздухе витало ощущение молодости и силы, от которого покалывало кожу, и кружилась голова. Казалось, что в мире нет ничего, с чем мы не могли бы справиться. Так бывает только в молодости; потом это чувство постепенно уходит, год за годом становясь все тоньше, и ты начинаешь понимать, что есть вещи, с которыми нельзя бороться. Думаю, это и есть взросление.

Но в тот вечер взрослая жизнь казалась мне пусть неизбежным, но далеким злом, которое, конечно, рано или поздно достигнет меня, но только не сейчас. Я смеялась и танцевала вместе со всеми. Поразительно, как хорошо я помню лица и имена людей, окружавших меня тогда. А ведь многих из них я видела в первый и последний раз. В моей памяти запечатлелись мельчайшие подробности того вечера. Устав от шума толпы, я решила прогуляться по берегу. Я шла у кромки воды, и волны, набегая, облизывали мне ноги. Белые лаковые туфельки я несла в руках. На пляже они были бесполезны.

Он привлек моё внимание, когда я уже повернула назад. Не знаю, почему я его заметила и сразу выделила из толпы. Возможно, дело в том, что он выглядел старше остальных, и я подумала: «Что он здесь делает?». А может, причина была в том, как отчужденно он стоял среди шумной и веселой толпы, рассеянно глядя по сторонам, и от этого впечатление, что он не на своем месте, усиливалось. Казалось, он кого-то ищет; странное ощущение, что это меня он пытается найти, заставило сердце биться быстрее. Но, скорее всего, все было намного проще: меня заставила застыть на месте его дьявольская красота.

Никогда раньше я не видела такого красивого мужчину. Конечно, были модели и актеры, то и дело мелькавшие на телеэкранах – один Аллен Делон стоил того, чтобы потерять из-за него голову. Но даже он был лишь бледным наброском по сравнению с тем не поддающимся описанию буйством красок, которые полыхали в этом человеке. Я могла бы сказать, что он был темноволосым, высоким и стройным, а его светло-молочная, почти белая кожа подчеркивала черноту бездонных глаз цвета безлунной ночи. В его улыбке крылась вся печаль и мудрость мира. Я могла бы еще много чего сказать, но это не отразило бы и доли того впечатления, которое он на самом деле производил. В нем чувствовался животный магнетизм, который притягивал и поработал с первой же минуты: люди, проходя мимо него, замедляли шаг и оглядывались.

Наверное, я слишком пристально смотрела на него, потому что он почувствовал мой интерес и повернулся в мою сторону. Он вдруг стал похож на хищное животное, которое нашло жертву и готово к финальному броску. Его взгляд, который еще минуту назад был рассеянным и скучающим, сфокусировавшись на мне, стал цепким и внимательным. Улыбка из задумчивой превратилась в почти счастливую, торжествующую. Это был единственный раз, когда я видела на его лице некое подобие радости.

Мне вдруг отчаянно захотелось убежать, скрыться от этих глаз, но какая-то часть меня понимала, что уже слишком поздно. Он еще не сказал ни слова, а я уже была целиком в его власти. Он медленно подошел ко мне, его движения были плавными и тягучими. Казалось, он мог двигаться гораздо стремительнее, но не хотел этого делать и умышленно сдерживал себя.

Странно, но я не помню, о чем мы говорили. В памяти остался лишь его голос, который обволакивал меня с головы до ног; мне никогда не приходилось слышать такого пленительного

тембра. Уже потом я узнала – у всех вампиров ангельские голоса.. Для нас это еще один способ заманить жертву. Кажется, он обещал мне новую прекрасную жизнь, а я ответила, что с ним согласна на любую. В тот момент я действительно любила его всем сердцем и была готова для него на все. Это чувство было самым сильным в моей жизни, самым безумным и самым быстротечным.

В тот вечер я отдала ему самое ценное, что у меня было. Свою душу.

Рука невольно поднялась к шее, где когда-то были две небольшие ранки от зубов. Но они зажили, не оставив следа – у вампиров прекрасная регенерация. Я даже не могу вспомнить, где именно они находились, кожа под моей рукой везде одинаково гладкая, как если бы её никогда не разрывали острые клыки.

Было больно. Действительно больно. Возможно, вы когда-нибудь ломали руку или ногу и думаете, что знаете, каково это – испытывать очень сильную боль. Так вот, вы не имеете об этом ни малейшего понятия. Муки тела ничто по сравнению с агонией умирающей души. Если ад существует, то я там побывала. Поначалу, пока он пил из меня жизнь, было даже приятно. Позже я узнала, что в слюне вампира содержится наркотик, который одурманивает жертву и делает её муки не такими жестокими. Так что в итоге вампиры могут считаться гуманистами. Но потом он разрезал запястье и почти насильно заставил меня выпить несколько капель его крови, и тогда началась БОЛЬ. Я помню, как терпкая вязкая масса струилась по нёбу, и вместе с ней по телу растекался огонь. Не знаю, сколько это длилось, мне показалось – вечность. Мир перестал существовать, был только огонь: вокруг меня, внутри. Повсюду – только он. Я умирала и снова рождалась миллионы раз, и с каждым новым циклом чувствовала, как что-то внутри меня необратимо меняется, пока не погибло все, что некогда было мной.

Я пришла в себя в незнакомом месте. Это был его дом. Я всегда думала, что настоящие вампиры должны жить в замке на высоком утесе у края пропасти. Но нет, его дом был обычным, хотя и находился вдали от людей.

Я назвала дом обычным; это не совсем так. Это был очень изысканный дом. Все, что там находилось, было таким же древним, как и сам Грэгори, обративший меня вампир. Он объяснял это привязанностью к вещам, с которыми его связывают многочисленные воспоминания. Очень скоро я поняла, что и сама являюсь для него всего лишь красивой вещью.

Поначалу мне даже нравилось чувствовать себя не такой, как все. Передо мной открылся никому не ведомый мир. Конечно, мысль о родителях, считающих меня погибшей, причиняла страдания, но что это для подростка, который увлечен новыми возможностями?

А потом пришел голод. Постепенно становясь все сильнее, он полностью завладел мною. Я совершенно потеряла голову, я не могла думать, говорить, жить. Голод заполнил меня без остатка. Наверное, тогда я поняла, что новая жизнь, которую подарил мне Грэгори, не так уж прекрасна. Иначе почему он никогда не улыбался по-настоящему? Возможно, он знал, что мы владеем вовсе не даром, а проклятием.

Настал момент, когда я больше не могла совладать с собой, и Грэгори показал, как утолить голод. Жутко было видеть глаза жертвы, полные ужаса и осознания близкой гибели, но я наслаждалась ни с чем ни сравнимым чувством того, как в меня капля за каплей перетекала чужая жизнь, наполняя тело силой и пьянящим весельем. Я была напугана. Но не тем, что убила человека, а тем, насколько мне это понравилось. Я стала чудовищем из сказок, которые мама когда-то читала мне на ночь. Не зная, что с этим делать, я, как любой ребенок, решила не думать о плохом. Задвинув мысли о том, кем я стала, на дальнюю полку своего сознания, я просто жила дальше.

Шли годы. И пусть я не менялась внешне, внутреннее взросление нельзя было остановить. Мысль о том, что я живу не так, как хотела бы, все чаще приходила мне в голову. Не знаю, как я решилась уйти; просто однажды пришло четкое осознание того, что мне здесь не место.

Уже через неделю я осуществила свой план и сбежала прочь из этого дома воспоминаний и утраченных надежд.

Смешно, но я думала, что смогу жить без крови. Я даже решила, что лучше умру, чем причиню вред человеку. Тогда я еще не знала, насколько сильным может быть голод. Я думала, что смогу с ним бороться. Но оказалось, есть черта, переступив которую, можно окончательно потерять себя и стать чем-то, чему нет названия.

Я отчетливо помню маленькую девочку, которая открыла мне глаза на реальность. Встретив ее, я осознала, что пути назад нет, и не может быть. Я будто бы наблюдала за происходящим со стороны. У меня не было сил что-то изменить, но я прекрасно понимала – именно встреча со мной лишила её будущего. Лишила жизни.

Теперь я знала, что не в состоянии бороться с голодом. Рано или поздно он все равно побеждал. Я не могла обмануть его, даже питаюсь кровью животных. Она лишь немного затормаживала процесс, но не останавливала его полностью. Я была в отчаянии, на какое-то время потеряв способность соображать. Я могла думать лишь о той маленькой девочке, моей жертве. Но случай дал мне надежду. Я шла по пустынной улице (стараясь держаться подальше от людей, я все-таки не решалась покинуть город), когда услышала чьи-то приглушенные стоны. Двое мужчин пытались изнасиловать девушку. Эта ночь стала для меня началом новой жизни, а для них – концом любой. Мне наконец удалось найти компромисс между совестью и жаждой крови. Я убила их, и, надо сказать, еще никогда процесс еды не был для меня таким приятным.

С тех пор прошло уже пять лет, но я ни разу не изменила себе. Пусть убийство – неотъемлемая часть моей сущности, но я, по крайней мере, могу выбирать, кого лишить жизни, а это уже кое-что.

Воспоминания проносились в голове, пока я смотрела в зеркало. Я знала, они – разминка перед, так сказать, гвоздем программы, но не хотела вспоминать о том, что случилось недавно. Уж лучше и дальше думать о другом.

Я с удивлением поняла, что совершенно не помню, как вернулась в хижину. Последнее воспоминание было о том, как я стояла у кромки леса под защитой ветвей, пытаюсь укрыться от дождя, который сплошным потоком лил с неба. Машина уезжала все дальше и дальше, становясь почти неразличимой. Я легко могла догнать ее, но зачем?

Влад уехал. К этому нечего добавить за исключением того, что мне еще никогда не было так больно. Казалось, кто-то вырвал мое сердце, и теперь на его месте огромная кровоточащая рана, которая нестерпимо болит. Впервые за долгое время я осознала, как одинока; вполне возможно, теперь так будет всегда.

Я была опустошена настолько, что не могла больше плакать. Мои слезы высохли, оставив на щеках красные дорожки. Вампиры плачут кровью своих жертв, но сейчас мне казалось, что это моя собственная кровь. Я могла лишь надеяться, что с ним все будет в порядке. Большого я и желать не смела.

Волосы и платье начали подсыхать, но я все еще чувствовала озноб. Это могло означать только одно – я голодна. Пока еще не сильно, но это только начало. Вероятно, крови черного мага, которую я недавно попробовала, оказалось недостаточно. Очень скоро придется решать эту проблему, но пока голод – мой союзник. Когда вампир голоден, он может спать. Будучи сытой, я не нуждаюсь в отдыхе. Но сейчас я смогу заснуть, убежать от мыслей и чувств; кто знает, может, завтра мне станет легче. Я была даже рада, что вампиры не видят снов. Сновидения – это грезы души. Раз у вампиров её нет, то нет и снов.

Я резко задернула занавеску, закрыв зеркало. Как ни странно, она не порвалась; возможно, она крепче, чем я думала. Вот бы и со мной было так же.

Я прямо в платье забралась на стоящую в алькове кровать, свернулась калачиком и изо всех сил зажмурила глаза, чтобы быстрее заснуть. Как ни странно, это подействовало.

Глава 2. Голод

Я проснулась так же внезапно, как и уснула. За окном были сумерки. Должно быть, солнце уже село. Это было мне на руку. Я поднялась с кровати и сразу пошла к выходу. В отличие от людей мне не надо заботиться о внешнем виде. Мне не нужны душ, расческа и прочие гигиенические атрибуты обычной жизни. Я знала – мои волосы прекрасно уложены, а платье, которому будто передалась часть моих вампирских способностей, выглядит так, словно его только что отгладили. Мысль о платье, обладающем сверхъестественными способностями, меня позабавила, и я улыбнулась, хоть на душе и скребли кошки.

Выйдя из хижины, я замерла. Похоже, я ошиблась, сочтя, что солнце уже почти село. Оно все еще ярко светило, будто желая компенсировать вчерашний дождливый день, при воспоминании о котором у меня снова защемило в груди. Я никак не могла взять в толк, почему Влад так легко расстался со мной. Он говорил, что любит меня и хочет всегда быть рядом. Но, кажется, людям свойственно резко менять планы. Я уже не могла вспомнить, была ли в свое время так же непостоянна.

Я решила, что в ожидании заката вполне могу пройтись под защитой леса. Через секунду я уже бежала во весь опор. Ветер развевал волосы и приятно охлаждал кожу. Я обожала чувство свободы, которое давал бег. Как жаль, что Влад не может этого испытать.

Я резко затормозила, прочертив на земле две колеи. Так дело не пойдет. Неужели теперь мои мысли будут постоянно к нему возвращаться? Вначале, сразу после того, как он меня спас, я думала, что в любой момент смогу с ним расстаться. Но я не сделала этого. Вероятно, даже тогда было уже слишком поздно. А ведь я с самого начала знала, что ничем хорошим это не закончится. Между нами – огромная пропасть, и нет такого моста, который можно через неё перекинуть. Было больно осознавать это, но еще больнее – думать, что он добровольно отказался от меня.

Инстинкты выдернули меня из отчаянья, в которое я уже была готова погрузиться. Где-то неподалеку пробежала косуля. Я услышала, как маленькое сердечко зашло от тревоги, когда она почувала мое присутствие. Мои мышцы напряглись, ощущая близость возможной добычи. Так происходило всегда, даже если я была не голодна. Сильнее всего это ощущалось, когда поблизости находились люди. Но косули не стоило бояться, я не собиралась причинять ей вред. У меня на примете был зверь покрупнее и поопаснее. Я снова перешла на бег, стараясь не думать ни о чем конкретном.

К тому времени, когда я добралась до ближайшего городка, солнце уже полностью скрылось за горизонтом, и можно было, не боясь его лучей, выйти из-под защиты деревьев. Была среда, и в этот час большинство людей уже сидело по домам. Я шла по улице, не таясь. Что плохого может случиться с вампиром в провинциальном городке? Усмехнувшись этой мысли, я свернула с основной дороги к одному из домов. Он выглядел скромнее и неряшливее, чем большинство соседних домов. Облупившаяся краска, грязные окна, неухоженный газон, на котором не валялось детских игрушек... было видно, что здесь живет не самая благополучная семья. Я обошла дом, и остановилась, размышляя, что лучше – тайком пробраться внутрь или просто постучать в дверь. Я так и не приняла решения, когда задняя дверь качнулась под порывом налетевшего ветра, и стало ясно, что она не заперта. Обрадовавшись такой удаче, я вошла в дом.

Тут обитал монстр. Возможно, когда-то Леонид был милым карапузом, в котором не чаяла души счастливая мамаша, но теперь он превратился в толстое, вонючие животное. Когда жена Леонида уходила на работу, он любил потискать свою двенадцатилетнюю падчерицу; в семье подрастала еще одна девочка, и он уже начал с интересом посматривать в её сторону. У меня было вполне подходящее настроение, чтобы поговорить с Леонидом по душам.

Оказавшись в кухне, я прикрыла за собой дверь и осмотрелась. В раковине громоздилась гора невымытой посуды, стол выглядел так, будто его никто никогда не протирал. Уверена, дотронься я до него пальцем и он бы прилип намертво. В кухне было темно, но для меня это не помеха, я прекрасно вижу в темноте. Из-за двери, ведущей в комнату, пробивался слабый лучик света, и доносилось неясное бормотание; видимо, там работал телевизор. Я знала, что мать девочек ушла на ночное дежурство, а они сами давно спят в своих постелях, так что смотреть телевизор мог только Леонид. Он-то и был мне нужен. Осторожно ступая, я медленно пошла к комнате. Конечно, я всегда хожу так тихо, что люди просто не способны услышать мои шаги, но привычки, оставшиеся от прошлой жизни, вынуждали меня красться.

Неожиданно в мое сознание ворвалась новая информация. До этого я слышала два маленьких сердца, размеренно бившихся где-то на втором этаже, но сейчас звук одного из них быстро приближался. Я догадалась, что это одна из девочек спускается вниз. Я успела бы выскочить на улицу, но осталась стоять на месте, сама не понимая, почему так поступаю. Спустя минуту я увидела семилетнюю крошку в хлопчатобумажной застиранной сорочке с растрепанными после сна светлыми волосами. Она смотрела на меня с верхней ступени лестницы.

– Привет, – сказала девочка и улыбнулась.

Совсем не испугавшись, она начала спускаться вниз.. Похоже, её совершенно не смущало присутствие в доме постороннего человека в столь поздний час. Когда она подошла достаточно близко, я присела на корточки, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Меня зовут Аня, – доверительным шепотом поведала она. – А тебя?

– Амаранта, – ответила я тоже шепотом, и глаза ребенка восхищенно распахнулись.

– Какой у тебя красивый голос. И сама ты красивая, – она дотронулась указательным пальчиком до моей щеки, и я почувствовала тепло её кожи. Но девочка тут же отдернула руку назад. – И холодная, – обиженно констатировала малышка.

– Что поделаешь, – я пожала плечами.

– Скажи еще что-нибудь.

Я внимательно посмотрела в полные восхищения детские глаза и поняла, что она вряд ли оставит меня в покое. Наблюдая за домом, я выяснила, что у Ани отдельная спальня и, подхватив девочку на руки, направилась туда. Она не сопротивлялась и лишь зябко поежилась, когда наши тела соприкоснулись.

Наверху я уложила её в постель и прикрыла одеялом, чтобы малышка согрелась после моих прикосновений.

– Я знаю, почему ты такая холодная, – заявил ребенок.

– И почему же?

– На улице осень, а ты в одном платье, вот и замерзла, – довольная своей проникательностью, она улыбнулась, и я не сдержала ответной улыбки.

– Ты должна спать, – прошептала я, поправив прядь её волос, упавшую на щеку.

– Расскажи мне сказку.

– О чем?

– О принце, – уверенно ответила девочка.

– Хорошо, – я кивнула, задумавшись лишь на минуту. – Жил на свете принц. У него было все, о чем только он мог мечтать – любящая семья, интересная, полная приключений жизнь и много друзей. Не было у него лишь принцессы. И тогда он решил отправиться в путешествие, чтобы отыскать её.

– Это было опасное путешествие? – с расширенными от наигранного ужаса глазами спросила Аня.

– Очень. Он встретил множество разных чудовищ. Принц дрался и с саблезубыми тиграми, и с великанами и даже с кентаврами, и всех победил. Но однажды на него напал сзади большой и хитрый волк и серьезно ранил принца.

Малышка взвизгнула.

– Но ведь он не погиб? – в ожидании продолжения девочка пристально смотрела на меня.

– Конечно, нет. Его спасла принцесса. Она отдала часть себя, чтобы сохранить ему жизнь, – успокоила я ребенка, поправив сбившееся покрывало.

– Они полюбили друг друга?

– Да. Но потом принц вернулся в свой замок, а принцесса опять осталась одна.

– Но почему? – Аня выглядела расстроенной.

– Потому что принцесса была из другого королевства, с которым враждовала семья принца, и он не мог взять её с собой.

– А он хотел? – задала девочка главный вопрос.

– Надеюсь, что да.

– Тогда он обязательно вернется, – заключила она. – Вот увидишь.

Аня положила маленькую ручку на мою, на этот раз задержав её немного дольше. Я почувствовала благодарность к ребенку, который своей искренней верой в чудеса помог и мне ощутить некое подобие надежды.

– Тебе пора спать, – мягко напомнила я.

– А ты посидишь со мной, пока я не засну?

– Договорились.

Я пересела на край кровати, чтобы не мешать ей. Аня повернулась на бок и прикрыла глаза. Постепенно её дыхание выравнилось, а сердце начало биться медленнее. Девочка засыпала.

Осторожно поднявшись, я выскользнула в коридор и прикрыла за собой дверь. Мне совсем не хотелось, чтобы малышка видела то, что я собираюсь сделать с её отчимом. Пусть она спокойно спит в своей кроватке и видит во сне сказочные королевства и добрых фей. А если завтра, когда хватятся Леонида, она скажет милиционеру, что странная девушка с холодными руками и красивым голосом рассказала ей сказку, все сочтут это фантазией. Впрочем, даже если бы я знала, что её слова примут за чистую монету, я бы и тогда не причинила ребенку вреда.

Через секунду я уже была в комнате с телевизором. Леонид спал в кресле спиной ко мне и так храпел, что, наверное, было слышно даже на улице. Некоторое время я просто стояла и смотрела на него. Его огромный пивной живот вывалился из штанов, застиранная футболка воняла потом и перегаром, рука сжимала пустую банку из-под светлого пива. Меня передернуло от отвращения. И вот этим я была вынуждена питаться. Уверена, что сегодня я охмелею от его крови.

Мужчина рыгнул и почесал живот. Похоже, он просыпался, надо действовать; не хватало только, чтобы он разбудил детей своими криками. Одним молниеносным, незаметным для человеческого глаза движением я закрыла ему рот рукой. Он тут же проснулся и задержался, пытаясь сбросить мою руку. Он брыкался изо всех сил, но я знала – ему не вырваться. Я даже не слишком напрягалась, удерживая его. Постепенно он начал уставать, его движения замедлились. И вот когда он почти затих, я наклонилась к его уху и прошептала:

– Тише. Мы же не хотим разбудить детей?

Как ни странно, мои слова подействовали. Он замер, тяжело дыша. От борьбы он вспотел еще больше, запах пота смешался с запахом страха – благоухание жертвы, трепещущей перед хищником. Его сердце билось быстро и беспорядочно, совсем как у той косули в лесу. Я почувствовала, как во мне поднимается волна голода. Мой взгляд начал мутнеть и обычное зрение сменилось вампирским, как бывало всегда, когда я собиралась поесть. Я знала, что сейчас мои глаза из синих стали абсолютно черными – ни белка, ни радужки. Именно эта моя особенность так напугала Влада.

Теперь я могла видеть, как по венам здоровяка бежит кровь. Мысли начали путаться, осталось лишь одно желание – почувствовать вкус этой крови. Но я недаром столько лет посвятила самоконтролю; даже сейчас, стоя вплотную к своей жертве, я смогла заглушить в себе это неумное желание. Прежде чем приступить к трапезе, следовало позаботиться о собственной безопасности. К тому же я боялась, что малышка может снова проснуться, а мне совсем не хотелось её пугать.

Леонид по-прежнему не шевелился; вероятно, его парализовал ужас. Наверное, ему было странно ощущать себя побежденным слабой девушкой. Я усмехнулась этой мысли: пришло время и ему узнать, что такое насилие.

Я протянула руку к шее своей жертвы, нащупала сонную артерию и слегка надавила на неё. Я не собиралась его убивать – вампиры не пьют кровь мертвецов, для нас она все равно что падаль или просроченные продукты для человека. Есть, конечно, можно, но вкус отвратителен и ничего, кроме проблем с пищеварением, не приносит. Поэтому я старалась быть очень аккуратной, ведь мне было достаточно лишь немного усилить нажим, чтобы сломать ему шею. Но я всего-навсего слегка надавила на артерию, и он, дернувшись в последний раз, отключился.

Пора было выбираться из дома. Вытащив Леонида на улицу, я прикрыла за собой заднюю дверь: не хватало только, чтобы в отсутствие взрослых с девочками что-то случилось.

Дорога к школе не заняла много времени. Я могу передвигаться с большой скоростью, и даже Леня с его весом в сто тридцать килограмм (я вешу сорок пять) не был для этого помехой. Я без особого труда доставила его к зданию заброшенной школы и остановилась перед входом. Именно здесь Влад впервые увидел меня (я-то видела его и раньше, наблюдая за его семьей из леса). Я подумала, что зря сюда пришла. Зачем воскрешать еще и эти мучительные воспоминания? Мне стоило выбрать другое место для еды, но сейчас, когда Леонид уже приходил в себя, поздно было что-то менять, и я вошла в школу.

Таща Леню за ногу, я с чувством тревоги вошла в здание. Леонид тихонько постанывал, ударяясь о ступени, но меня не волновало, сколько на нем будет синяков. Чтобы не повторить былой ошибки, я первым делом проверила, нет ли в школе посторонних. Сейчас здесь было тихо и пустынно.

Я стала подниматься на второй этаж, по-прежнему таща толстяка за собой и вспоминая нашу первую встречу с Владом. Я так и не успела спросить его, почему он не выстрелил в меня тогда. Вряд ли причина крылась только в моей внешности: я хорошо помнила, как он однажды сказал, что видел немало вампиров и другой нечисти, и их неживая красота уже перестала его трогать. Значит, во мне было что-то такое, что привлекло его с самого начала.

Леонид зашевелился, еще немного – и он придет в себя. Но я уже достигла второго этажа, поэтому бросила толстяка и остановилась неподалеку, ожидая, пока он окончательно очнется. Не то чтобы я была садистом и любила поиграть с едой, как кошка с мышкой, но мне хотелось, чтобы этот подонок испытал хотя бы долю того ужаса, который он вызывал у своей падчерицы. К тому же, откровенно говоря, от адреналина кровь становится только вкуснее.

От нетерпения я переминалась с ноги на ногу. Пол был усыпан острыми осколками оконных стекол, но они не причиняли вреда моим босым ступням. Не знаю, как это происходит, но я не могу порезать ноги; мало того, они даже не пачкаются, если я хожу по грязи. Вампирские штучки, не более того, но я никак не могу взять в толк, для чего они нужны, ведь любая моя сверхспособность служит лишь одной цели – убийству. Возможно, это свойство нужно для того, чтобы не оставлять следов в доме жертвы, если на улице льет дождь и полно грязи.

Леонид пошевелил мизинцем правой руки, и весь мой организм тут же среагировал на это движение. Мышцы напряглись, наливаясь силой, и я почувствовала, как рот наполняется слюной. Она содержит какое-то вещество, действующее на жертву как легкий наркотик, и я с тоской подумала, что Лене может даже понравиться мой укус. Я чувствовала, как медленно

увеличиваются клыки во рту. Это доставляло мне небольшой дискомфорт, похожий на приглушенную новокаином зубную боль.

Веки Леонида задрожали; он приоткрыл глаза, но ещё не пришел в себя окончательно. Его сердце билось ровно, он не паниковал. Слегка склонив голову набок, я смотрела на него и терпеливо ждала, когда он осознает происходящее. Наконец его взгляд сфокусировался на мне. В свете луны я была хорошо видна. В первую секунду Леня казался удивленным, но потом выражение его лица сменилось на слащаво-похотливое. Я словно увидела ситуацию его глазами: невысокая, худенькая шестнадцатилетняя девочка наедине с большим и сильным мужчиной, и нет никого, кто мог бы ей помочь. Не надо быть гениальной, чтобы догадаться, о чем он подумал. Вероятно, он все же не так хорошо видел меня, как я предполагала. Иначе от него не укрылись бы мои абсолютно черные глаза и клыки.

Я шагнула поближе, предоставив Леониду возможность разглядеть меня получше. Но он был настолько занят своими фантазиями, что не замечал очевидного. Его даже не интересовало, как он здесь оказался. Приподнявшись, он встал на колени и развязно улыбнулся. От такой наглости у меня перехватило дыхание. Все-таки некоторые люди – непроходимые тупицы. До сих пор никто из моих жертв не лелеял надежду причинить мне боль. Я решила сделать скидку на алкоголь в его крови. Машинально я отметила, что его сердце забилося быстрее, а дыхание участилось. Он встал на ноги, выпрямился и сделал шаг мне на встречу, прошептав что-то вроде того, чтобы я не боялась.

– Поиграем, – предложил он сдавленным шепотом.

На секунду у меня пропал дар речи. Я прекрасно понимала, что причина его ускоренного сердцебиения кроется вовсе не в страхе. И тогда я отпустила инстинкты. В ту же секунду глаза застила кроваво-красная пелена. Мир потерял краски, превратившись в серый набросок, на фоне которого фигура Леонида переливалась разными оттенками желтого, оранжевого и красного. Это включилось своего рода инфракрасное зрение, которое позволяло мне видеть тепловые излучения. Я могла наблюдать за тем, как пульсирует каждая веночка его организма. Теперь ничто не могло укрыться от моих глаз. Я превратилась в самого опасного хищника в мире, который к тому же был голоден.

Я неторопливо пошла в его сторону; так как нас разделяло не такое уж большое расстояние, мне не пришлось идти долго. Лицо Леонида и его поведение менялись с каждым моим шагом. Поначалу он был рад, что я иду к нему, потом он в недоумении уставился на меня, не веря своим глазам. Еще бы, он рассчитывал увидеть напуганную девочку, а не чудовище. Постепенно на его лице появился испуг, который почти сразу перешел в ужас. Я видела, как он дернулся, пытаясь убежать, но дальше этого дело не пошло: его парализовал страх. Я улыбнулась Леониду, и он взвизгнул, заметив мои клыки.

– Поиграем? – передразнила я.

Только тогда он побежал – спотыкаясь, падая и разрезая в кровь ноги, так как его домашние тапочки, потерялись где-то по пути. Леонид бежал к дальнему от входа окну. В свое время я тоже пыталась спастись от смерти, выпрыгнув именно в это окно. Но оно не принесло мне удачи, меня все равно поймали. Если бы не Влад, я была бы уже мертва. Не поможет окно и Лёне.

Запах крови, выступившей на порезах, еще больше вскружил мне голову. Для меня это был самый восхитительный, самый приятный запах в мире. Он был лучше, чем любые духи. Он пьянил, как вино, и манил к себе. Я больше не могла ждать и одним броском настигла Леонида. Он почувствовал это и развернулся ко мне, подняв руки к лицу в нелепой попытке защититься. Я резко рванулась к нему и сомкнула челюсти на его заплывшей жиром шее. В ту же секунду теплая струя крови потекла по горлу, и вместе с ней пришло чувство эйфории. Тепло медленно распространялось по телу, согревая изнутри. Леонид в моих руках хрипел, но уже не сопротивлялся. Потеря крови делала его слабым и безвольным.

Я успела остановиться за секунду до того, как его сердце перестало биться. Уронив на пол то, что еще пару минут назад было живым человеком, я пошатнулась. Сейчас я ощущала безграничную силу и полноту жизни. Так чувствует себя человек, когда он безгранично счастлив. Кровь разливалась по телу, принося тепло и снова, пусть лишь на короткий срок, делая меня живой. Немного кружилась голова, но я объясняла это алкоголем, в избытке содержащимся в крови Леонида.

Бросив последний взгляд на то, что осталось от моей жертвы, я направилась к выходу. По моим подсчетам, было около пяти утра, а значит, следовало возвращаться. И хотя домик, в котором я жила, был совсем недалеко, я предпочла немедленно пуститься в обратный путь. После того, как я испытала на своей коже действие солнечных лучей, мой страх перед солнцем стал слишком велик, чтобы его игнорировать.

Глава 3. Встречи

Снова настали пасмурные дни. Солнце, пусть и неохотно, сдавало свои былые позиции. В каждом дуновении морозного ветра отчетливо чувствовалось приближение зимы. Для меня это означало только одно – больше времени, проведенного вне дома. Так как день укорачивался, а ночь, наоборот, становилась длиннее, я получила возможность выходить уже в семь вечера. Тучи, которые теперь постоянно заволакивали небо, превращая день в сумерки, служили мне надежным щитом. Дни тянулись бесконечной чередой, лишённые индивидуальности и смысла. Если бы кто-нибудь спросил меня, как я провела эти несколько недель, я бы, вероятно, затруднилась с ответом. Я училась жить заново. Каждое воспоминание о Владе причиняло невыносимую муку. Я пыталась приучить себя не думать о нем, но чем больше я старалась, тем тяжелее мне становилось.

В один из таких дней, полных отчаянья и тоски, я решила прогуляться. Мои вены были все еще полны крови Леонида, и физически я чувствовала себя превосходно. Настроение у меня было гораздо хуже. Я никак не могла отделаться от мыслей о Владиславе. Мне безумно хотелось узнать, как у него дела. Но так как это было невозможно, я решила, что мне сможет помочь разговор с человеком, который с ним знаком, и отправилась к Глебу. Было немного страшновато, ведь я не знала, как он отнесется к моему визиту. Я помнила, что Глеб поначалу не слишком хорошо ко мне относился. Мало того, он искренне считал, что меня следует убить, и пытался убедить в этом остальных. Тогда мне повезло: рядом был Влад, который не дал Глебу осуществить свои планы. А после того, как я помогла Глебу и остальным охотникам найти и уничтожить стаю оборотней вместе с их предводителем – черным магом, он поменял свое отношение ко мне. Я надеялась, что с тех пор ничего не изменилось, ведь после отъезда Влада и его семьи прошло всего несколько недель.

Успокаивая себя такими размышлениями, я дождалась, пока солнце окончательно скроется за тучами, и направилась к дому, в котором еще недавно была так счастлива. Это было одноэтажное строение с небольшим крыльцом и множеством спален, но я по собственному опыту знала – дом не так прост, как кажется на первый взгляд. Внизу располагался огромный подвал, в котором я побывала и в роли пленницы, и в роли тюремщика. Влад спас меня, освободив из заточения. Именно тогда он попросил меня ради моей же безопасности покинуть эти места. В последнее время я часто думаю, что мне стоило его послушаться.

Я недовольно тряхнула головой, прогоняя мрачные мысли о подвале, но в мою голову упорно лезли воспоминания о погибшем на моих глазах мальчике-оборотне. В тот вечер я окончательно осознала, как мой мир отличается от мира человека, которого я полюбила. Наверное, я уже тогда поняла – рано или поздно мы все равно расстанемся. Это лишь вопрос времени. С тех пор я подсознательно ожидала этого момента. И, что называется, дождалась.

Я стояла у кромки леса, как делала не раз, когда высматривала Влада, и смотрела на дом. Окна были темными, ни в одном не горел свет; я даже испугалась, что хозяин уехал. Тогда я прислушалась, и в следующую секунду до меня донесся стук человеческого сердца, но он шел не со стороны дома. Я быстро определила, что это билось сердце Глеба. За время, проведенное с охотниками, я успела запомнить биение сердца каждого из них. Возможно, для человеческого слуха все они звучали бы одинаково, но только не для вампира. Для нас стук разных сердец отличается так же сильно, как для криминалистов разнятся отпечатки пальцев. Так что сомнений у меня не возникло – это был Глеб и, судя по тому, откуда доносился звук, он находился в гараже.

Еще раз бросив взгляд на небо и убедившись, что солнце сегодня уже не покажется, я вышла из-под защиты леса. Гараж находился прямо за домом, и я направилась туда. Не знаю, что я ожидала услышать от Глеба. Думаю, мне просто было нужно с кем-то поговорить. С

некоторых пор затворнический образ жизни стал тяготить меня. Но я не могла позволить себе общение с другими вампирами; любой из них мог знать Грэгори и рассказать ему о том, где я нахожусь. Обычные люди по вполне понятным причинам тоже не годились мне в друзья. Оставались охотники, но с ними проходило быть настороже, чтобы не погибнуть. Я могла лишь надеяться, что Глеб, помня о моей помощи, не станет меня убивать.

Я остановилась у дверей гаража. Они были распахнуты настежь, я прекрасно видела, что происходит внутри. Глеб стоял рядом с огромным джипом, который я помнила по совместной охоте. Эта машина являлась предметом личной гордости Глеба, и я подозревала, что он сильно к ней привязан. Глеб жил один, у него не было семьи, и всю заботу он перенес на дорогие его сердцу вещи. Сейчас он был занят тем, что мыл багажник джипа. Я подумала, что Глеб недавно использовал его для охоты, но не стала углубляться в эти мысли. Глеб не видел меня; полностью поглощенный работой, он что-то напевал себе под нос. Я терпеливо стояла на пороге и ждала, когда он меня заметит. Прошло минут десять, и я уже начала подумывать о том, чтобы окликнуть Глеба, но тут из-за машины раздался его голос:

– Зачем пришла? – проворчал он в своей обычной манере. Вежливость не была его сильной стороной, я поняла это еще в нашу первую встречу.

– Поговорить, – спокойно ответила я. Мне уже стало ясно, что прямо сейчас меня никто не станет убивать, поэтому я немного расслабилась.

Глеб вышел из-за машины, вытирая руки о вафельное полотенце. Он остановился и внимательно посмотрел на меня. Я улыбнулась в ответ на его взгляд, но он лишь еще сильнее нахмурился.

– И о чем? – все так же неохотно спросил он.

– Не знаю.

Откровенно говоря, это было правдой. Я сама толком не понимала, о чем мне говорить с этим человеком. Просто мне было необходимо хоть какое-то общение, и обеспечить его мог только Глеб.

– Если тебя интересует Влад, то я ничего о нем не слышал с тех пор, как они уехали, – прямолинейно заявил охотник.

Я почувствовала разочарование, хоть по пути к Глебу и настраивала себя на то, что он вряд ли сообщит мне что-нибудь о Владе. Но, вероятно, какая-то часть меня все же надеялась на новости.

– Я просто хотела поговорить, – повторила я.

Глеб вздохнул. Некоторое время он смотрел мимо меня на улицу и молчал. Я терпеливо ждала, пока он заговорит.

– Я понимаю, что тебе, должно быть, одиноко, – произнес он наконец; теперь его голос звучал более мягко и складки на лбу разгладились. – После того, что случилось, – добавил он многозначительно.

Я не стала отрицать очевидного и лишь кивнула в ответ.

– Ты очень помогла нам с оборотнями. Я это ценю, – Глеб снова вздохнул, как если бы решался на что-то. – Возможно, ты сочтешь меня неблагодарным, – он посмотрел мне прямо в глаза и закончил свою мысль, – но тебе было бы лучше не приходить сюда.

– Ты прогоняешь меня? – спросила я без особой злости. Что-то подобное я и ожидала услышать.

– Я всего-навсего старый охотник. Мне тяжело меняться. Конечно, я не причиню тебе вреда, и ты можешь жить в лесу, сколько захочется, но вечерние беседы с вампиром – это для меня уже слишком, – он развел руками, показывая, что ничего не может с этим поделать.

– И на том спасибо, – ответила я с горькой усмешкой.

– Пойми, как бы там ни было, ты все равно остаешься вампиром. И я считаю, что Влад поступил правильно, расставшись с тобой.

Я почувствовала, что начинаю по-настоящему злиться. Ему не следовало этого говорить. – Я не думаю, что безнадежно одинокий человек может давать советы на подобные темы, – с ядом в голосе процедила я.

– Возможно, – он не обиделся, улыбнувшись в ответ на мои слова. – Но я полагаю, что два таких разных мира, как ваши, не могут существовать вместе. И мне кажется, ты сама это прекрасно понимаешь.

Я повернулась, намереваясь уйти, так как здесь мне больше нечего было делать. Глеб не окликнул меня. Мы не могли сказать друг другу ничего нового. Так я получила официальное разрешение на жительство в лесу и лишнее доказательство того, что никто не воспринимал всерьез чувство Влада ко мне. Любопытно узнать, что он сам думает по этому поводу, но вряд ли у меня когда-нибудь будет такая возможность.

Я вернулась в охотничий домик в невеселом расположении духа. Я была зла на весь мир, но прежде всего – на себя и Влада. На себя за то, что не убралась отсюда, пока было еще не слишком поздно. Но я предпочла остаться и теперь пожинаю плоды своего безрассудства. На Влада я сердилась за то, что на поверку он оказался слабым и безвольным. Как он мог так просто оставить меня, даже не попытавшись бороться за свое счастье? Я видела, что в нашу предпоследнюю встречу мой изменившийся облик напугал и оттолкнул его, но ведь он знал, кто я на самом деле. До сих пор не понимаю, что именно тогда случилось, и чем была вызвана его реакция. Я знаю лишь одно: я могла бы измениться ради него, но он почему-то решил, что эта битва проиграна. Влад так и не дал мне шанса доказать мою любовь и преданность.

Я расхаживала взад-вперед по единственной комнате моего домика, пытаюсь успокоиться. Меня душили гнев и обида, я чувствовала, что не заслужила такого отношения со стороны человека, которого искренне любила, и который, как я до недавнего времени полагала, любил меня. Я настолько сосредоточилась на своих эмоциях, что не сразу почувствовала опасность. Именно этим я позже объясняла себе случившиеся. Возможно, будь я менее погружена в себя, я гораздо раньше поняла бы, что происходит, и у меня даже был бы неплохой шанс скрыться. Но все произошло так, как произошло.

В очередной раз пересекая комнату, я внезапно остановилась, вслушиваясь в себя. Мной вдруг овладела тревога. Причин для беспокойства вроде бы не было, но я привыкла полагаться на чутье вампира и, насторожившись, прислушалась. Вначале я не услышала ничего, но потом чуткий слух уловил какой-то еле различимый звук по ту сторону входной двери. Я испугалась. Так тихо, практически бесшумно, могли двигаться только вампиры. Не в силах пошевелиться, я замерла посреди комнаты. Может быть, какой-то вампир случайно забрел в эти леса, почувял подобного себе и решил зайти поболтать? Я постаралась мысленно убедить себя в этом.

Мне следовало немедленно успокоиться и открыть дверь. Было невежливо оставлять за порогом гостя, который уже понял, что обнаружен, и теперь лишь ждал, когда я его впущу. Я сделала несколько неуверенных шагов к двери и снова остановилась. Все мое существо противилось тому, чтобы отворить эту дверь. Но спрятаться от того, что ждало меня за ней, я не могла. И бежать тоже было поздно. Другой вампир без труда догнал бы меня. Дело осложнялось еще и тем, что я не могла определить, знаком ли мне стоящий за дверью. Слишком занятая своими мыслями, я засекала его присутствие, лишь когда он уже стоял у самого порога. Если бы я почувствовала его раньше, у меня был бы шанс узнать его по походке. Но вампир застыл, не двигаясь.

Я могла бы попытаться опознать вампира по запаху, но была настолько напугана, что потеряла способность соображать. Причина моего смятения крылась как раз в том, что запах этого вампира казался мне смутно знакомым. В своей жизни я знала не так уж много себе подобных, и ни одно из этих знакомств не принесло мне ничего хорошего.

– Хозяйка, – по-русски окликнул меня насмешливый голос, – позволишь войти?

Я попыталась ответить, но поняла, что не в состоянии произнести ни слова.

– Будем считать, что молчание – это знак согласия, и ты сказала: «Заходи, дорогой гость», – самоуверенно заключил вампир и толкнул дверь.

Старые петли закрипели, и дверь медленно отворилась, дав мне возможность рассмотреть визитера. Передо мной стоял высокий парень лет семнадцати; по крайней мере, столько ему было на момент смерти. Светлые, цвета спелой пшеницы, волосы, ниспадавшие почти до плеч, и тонко очерченные скулы делали его лицо более женственным, чем это позволительно для мужчины. Одетый в легкую черную рубашку, он прятал руки в карманах брюк того же цвета. Довершали картину черные кожаные ботинки. Мне всегда казалось забавным, что некоторые вампиры ведут себя как дети и одеваются во все черное, чтобы соответствовать образу, который люди создали в кинофильмах. Он был красив, как любой вампир, но думаю, что стройное тело, тонкие губы и прямой нос были у него и при жизни. Люди не меняются до неузнаваемости, становясь вампирами; после обращения в их внешности лишь ярче проявляются те выигрышные черты, которыми они обладали и раньше. Взять, например, глаза молодого человека. Раньше они наверняка были просто зелеными, а теперь приобрели необычный бирюзово-голубой оттенок и в их глубине плясали маленькие чертики, добавляя обаяния его улыбке. Внешность этого вампира можно было бы назвать немного детской из-за ямочек на щеках, если бы не ехидная улыбка, придававшая его лицу порочное выражение.

Парень весело улыбался и казался беззаботным. Как обычно. Я неоднократно видела его раньше, и он всегда выглядел таким же счастливым, как и сейчас. Я знала – это его нормальное состояние. По румянцу на щеках я легко определила, что он совсем недавно подкрепился, да и вообще он ел, когда хотел, а не только когда в этом возникала необходимость. Насколько я знала Дитриха, человеческая жизнь не представляла для него никакой ценности, если только дело не касалось еды.

Я познакомилась с ним, когда жила у Грэгори. В его большом доме проживало несколько вампиров. Несмотря на разные национальности (сам Грэгори был чехом) они вполне понимали друг друга, общаясь в основном на русском или английском языках. Грэг нашел Дитриха где-то в Германии (он обожал путешествовать и довольно часто привозил с собой «сувениры»). На самом деле Дитриху, одной из любимых игрушек Грэгори, было около ста пятидесяти лет. Я не могла не заметить привязанности, которую Дитрих питал к своему хозяину. И сейчас я бы скорее поверила в то, что земля поменяла свою орбиту, чем в то, что Дитрих оказался на пороге моей хижины случайно.

– Так и будем молчать? Могла бы сказать, что рада тебя видеть, – Дитрих прошел вглубь комнаты и сел на стул ко мне лицом. – Впрочем, вижу, что это не так. А жаль, – он притворно вздохнул, – со старыми друзьями не принято так поступать.

В комнате было темно, но нам это не мешало, мы оба прекрасно видели в темноте. Он указал мне на другой стул, но я осталась стоять.

– Зачем ты здесь? – спросила я, когда ко мне наконец вернулся голос.

Я не стала убеждать себя, что вампир оказался здесь случайно; я давно уже не верила в такие совпадения и прекрасно понимала, что он появился неспроста. Внешнее дружелюбие Дитриха никогда не обманывало меня. Уже в нашу первую встречу я поняла, насколько он опасен и, как оказалось, не ошиблась. Ничто не доставляло ему такой радости, как убийство. Дитриху было все равно, кого уничтожить – человека или вампира. Не думаю, что Грэгори стал бы посылать ко мне одного из своих лучших убийц только за тем, чтобы поболтать. В голову закралось нехорошее подозрение. Неужели Грэгори настолько разозлился, что хочет лишиться меня жизни? Я знала – если Дитрих нападет, у меня не будет ни малейшего шанса на спасение, так как он старше, сильнее и опытней меня.

– Ты такая напряженная, – заметил Дитрих и покачал головой. – Тебе надо больше расслабляться, бывать на свежем воздухе, общаться с друзьями.

Говоря о друзьях, он кивнул в сторону, где находился дом Глеба. Я с ужасом подумала, что Дитрих, прежде чем зайти ко мне, наведался туда. Кто знает, сколько времени он уже следит за мной? Я лишь надеялась, что Влад уехал до того, как Дитрих нашел мое убежище.

– Не бойся, – между тем весело продолжил вампир, – с ним все в порядке. Я изрядно подкрепился, направляясь к тебе. Но я буду иметь его в виду, – добавил он, улыбаясь во весь рот.

– Я спрашиваю еще раз: зачем ты здесь? – повторила я свой вопрос уже более жестким тоном.

– А если я не отвечу?

Я ощутила исходящую от него реальную угрозу. За долю секунды Дитрих оказался в нескольких сантиметрах от меня, и я почувствовала на щеке его дыхание. Это была еще одна его причуда – по непонятной причине он до сих пор иногда симулировал дыхание и сердцебиение. Конечно, я тоже так поступала. Но для меня это означало некую причастность к людям и давало иллюзорное ощущение, что я все еще жива. Мелькнула мысль, неужели и Дитрих стремился сохранить в себе частичку прошлого?

Он внимательно смотрел на меня, изучая мою реакцию на его угрозу. Я изо всех сил старалась не показывать ему своего ужаса. Мне стоило огромного труда оставаться на месте и не отодвинуться от него. Дитрих стал вдруг необычайно серьезным; он больше не улыбался. Его глаза приобрели более яркий цвет, превратившись в насыщенно-зеленые, как первая трава по весне.

– Мне хватило бы одного движения, чтобы сломать тебе шею, – скучающим голосом произнес он, не сводя с меня взгляда нереально зеленых глаз. Наступила тишина, в которой было слышно лишь его размеренное дыхание. – Но, – он отступил на шаг и снова улыбнулся веселой открытой улыбкой молодого парня, довольного собой и жизнью, – я не стану этого делать. Ведь мы же не хотим расстроить нашего общего друга.

После этих слов я поняла, что смерть мне не угрожает. Какое бы распоряжение Грэг не дал Дитриху, он не приказывал меня убивать. Вероятно, у него были другие планы. Не могу сказать, чтобы это меня сильно успокоило.

– Лично я предпочел бы вырвать из груди твое маленькое сердечко и скормить его волкам, – все тем же радостным голосом продолжал Дитрих, – но кто я такой, чтобы принимать подобные решения? – он сокрушенно покачал головой, показывая как, в сущности, мала его роль, и как это его печалит.

Я начала злиться. Манеры Дитриха всегда меня раздражали. Театральная наигранность каждого слова и действия сводила с ума. Казалось, он был не способен говорить серьезно, и это всех выводило из себя. Исключением был Грэгори и, возможно, Сибилла. Остальные вампиры старались избегать Дитриха, но это никогда его не смущало. Думаю, он был более чем самодостаточной личностью. На этот раз поднимавшаяся во мне волна раздражения сыграла мне на руку, придав голосу уверенности и жесткости.

– Я спрошу снова: зачем ты здесь? Этот раз будет последним. Возможно, ты и можешь сломать мне шею одним движением руки, но тебе не заставить меня слушать твои бредни, – выпалила я ему в лицо.

Я ожидала бурной реакции, но он расхохотался.

– О, наша кошечка показала коготки, – он хохотал от души, как будто я действительно сказала что-то уморительное. Вдоволь насмеявшись, Дитрих вытер рукавом рубашки несуществующие слезы и наконец перестал улыбаться. Его лицо приобрело задумчивое выражение человека, который решал сложную математическую задачу. – Не пойму, зачем ты ему нужна, – пробормотал он, разглядывая меня с видом эксперта. – Ведь ты ничего собой не представляешь, – подытожил он.

– Я не просила об этой чести.

Он поморщился от моих слов, как если бы я произнесла какое-то богохульство.

– Он послала меня сказать тебе, – проговорил Дитрих скороговоркой, будто боясь, что я скажу что-то еще, и он не сможет сдержаться, – что он *хочет*, чтобы ты вернулась, – вампир сделал ударение на слове «хочет», и я поняла – под ним он подразумевал скорее слово «приказывает», так ультимативно оно прозвучало.

Я открыла рот, чтобы возразить, но Дитрих остановил меня, подняв руку.

– Мое дело только передать тебе это. И еще, – бросил он напоследок, уже стоя на пороге, – он не привык, чтобы ему отказывали, ты сама должна это знать. Возможно, в следующий раз я вернусь с поручением, которое будет менее приятным для тебя. И более веселым для меня. Подумай об этом, – подмигнув мне, Дитрих покинул охотничий домик.

Глава 4. Побег

Как только неожиданный гость растворился в ночи, я почувствовала панику. Мне следовало как можно скорее убираться отсюда. Я знала – от Дитриха не так-то просто скрыться, но попробовать стоило. Меня пугала мысль о возвращении к Грэгу, об этом не могло быть и речи. Грэгори волен сколько угодно посылать своих головорезов, запугивая меня, но я не собиралась возвращаться, по крайней мере, добровольно.

Я прислушалась к звукам ночного леса. Дитрих наверняка был уже далеко. Он, как и любой вампир, передвигался с огромной скоростью и мог за это время покрыть большое расстояние. Я очень надеялась, что он не станет сторожить меня. В конце концов, он выполнил поручение и передал мне слова Грэгори. Теперь я должна принять решение. Вероятно, от меня ожидали, что я тут же отправлюсь сдаваться на милость бывшего хозяина; этим стоило воспользоваться. Я могу сделать вид, что возвращаюсь к Грэгу, выбрать момент и свернуть в другую сторону. Если мне повезет, они снова потеряют мой след.

Прошло уже пять лет с тех пор, как я сбежала от Грэгори. Я и подумать не могла, что он до сих пор ищет меня. Но, с другой стороны, что такое каких-то пять лет для существа, которое живет на свете уже не одну сотню лет? Думаю, примерно то же, что несколько минут для человека. И все же эта новость неприятно удивила меня. Все-таки Дитрих был прав, когда сказал, что Грэг не привык к отказам. Я знала – если я решусь на возвращение, меня будет ждать суровая кара за однажды проявленное непослушание. Возможно, потом я буду прощена, но такое развитие событий меня не устраивало.

Я осмотрела комнату в поисках вещей, которые могли бы пригодиться в дороге. Результат был неутешительным. Я провела в этом доме несколько месяцев, но за это время не обзавелась никакими личными вещами. Даже книги, которые так долго были моими единственными друзьями, принадлежали бывшему хозяину домика. Я вздохнула и подумала, что это, возможно, к лучшему. Дальние походы следует совершать налегке.

Когда я вышла из домика, было около десяти вечера. Я почти сразу перешла на бег, так ни разу и не обернувшись, хотя не просто покидала дом, где провела какое-то время своей жизни. Я покидала место, где встретила Влада. Одна я знала, как мне не хотелось его оставлять. Но я торопилась, потому что Глеб был в опасности, пока поблизости блуждал вечно жаждущий крови Дитрих. Моей первоочередной задачей было увести его отсюда. Я надеялась – он поймет, что я покинула эти места, и тоже потеряет к ним всякий интерес. Глеб никогда бы не справился с Дитрихом в одиночку, даже вдвоем мы вряд ли могли бы что-нибудь противопоставить вампиру, который в течение полутора веков только и делал, что совершенствовал свое умение убивать.

Интересно, почему Грэгори послал за мной именно Дитриха? Что это было: выражение особенного отношения ко мне или обычная угроза? Он знал, что я прекрасно осведомлена о пристрастиях Дитриха. Неужели Грэг рассчитывал запугать меня таким нехитрым способом? Это на него не похоже. Каким бы тираном и человеконенавистником он не являлся, ему нельзя отказать в чувстве такта. Поэтому я остановилась на таком варианте: он просто послал за мной того, кому больше всего доверял.

За несколько часов я преодолела огромное расстояние, достигнув относительно большого города, расположенного к югу от леса. Погруженная в свои мысли, я не сразу заметила, что лес закончился. Уже спустились сумерки, во многих домах пригорода горел свет, и на улице было светло почти как днем. Я замялась, не решаясь войти в город. На дворе стояла поздняя осень, и я, одетая в легкое короткое платье и босая, наверняка привлекла бы к себе лишнее внимание. Нужно было что-то придумать.

Прячась в тени придорожных деревьев, я пробралась к первым домам. На мою удачу, мне на глаза попался магазин женской одежды. Он уже закрылся до утра, и я решила этим воспользоваться.

Прокравшись на задворки дома, я легко вскарабкалась к окну второго этажа, ведущему на лестничный пролет, открыла его и оказалась в подъезде. Магазин занимал лишь первый этаж трехэтажного дома, остальные были жилыми. Спустившись к двери в магазин, я заметила сбоку от неё крохотный красный огонек сигнализации. К сожалению, я не обладала лазерным зрением, не могла превращаться в летучую мышь и понятия не имела, как отключить сигнализацию. Я знала, что она сработает, как только дверь откроется, и минут через пять после этого тут будет милиция. Оставалось надеяться только на то, что я справлюсь быстрее. Присмотрев через стекло джинсы, куртку и футболку подходящего размера, я вышибла дверь ногой. По всему дому разнесся вой сирены, но мне хватило нескольких секунд, чтобы взять нужные вещи и покинуть магазин.

Переделавшись я уже в другом квартале, убравшись подальше от места преступления. Темно-синие джинсы, зауженные книзу, сидели на мне как влитые, я угадала даже с размером нежно-голубой футболки, на которой был изображен огромный цветок непонятного происхождения. Подозреваю, что он был плодом фантазии какого-то обкурившегося художника, потому что таких цветов вообще не существует в природе. Мой наряд довершала укороченная джинсовая куртка, которая лишь слегка прикрывала поясицу. Я не чувствую холода, поэтому длина куртки была мне безразлична. Пришлось прихватить и пару кроссовок под цвет джинсов. За время, проведенное в лесу, ноги успели отвыкнуть от обуви, но правила есть правила. Если я хочу не привлекать внимания в мире людей, мне стоит их придерживаться.

В магазине я украла еще и небольшой рюкзак, в который положила деньги, позаимствованные из кассы. Вероятно, хозяин магазина оставил их для сдачи на следующий день. Улов был небогат, всего пара тысяч, но для начала и этого вполне достаточно. Для жизни в городе деньги просто необходимы.

Убедившись, что меня не преследует милиция, я направилась на поиски гостиницы. Надо заранее позаботиться о ночлеге, чтобы рассвет не застиг меня где-нибудь посреди улицы. Мне удалось найти небольшой отель на окраине и снять там номер за умеренную плату в пятьсот рублей. Правда, портье странно на меня поглядывал, но так и не решился озвучить свои сомнения. Я долго жила вдали от городов и совсем забыла, что выгляжу всего на шестнадцать лет, и это может вызывать определенные подозрения. Но мне снова повезло – тут, похоже, не было принято задавать лишних вопросов, и это, вероятно, очень ценилось здешними постояльцами.

День я провела в маленькой комнатке, полной клопов и тараканов. Но так как я была своего рода хладнокровной, они не проявляли ко мне интереса, и мы, можно сказать, ладили. Ну, или, по крайней мере, соблюдали нейтралитет.

Вечером я покинула свое убежище и направилась на запад. Иногда я ехала общественным транспортом или автостопом. Один раз водитель (мужчина среднего возраста с большими усами и неприятным запахом изо рта) попытался ко мне приставать. Я здорово его напугала, на долгое время отбив у него охоту не только заглядываться на молодых девушек, но и вообще подбирать попутчиков. После этого я решила передвигаться пешком. Так было даже быстрее.

Все это время мне было не до еды. Слишком сосредоточенная на том, чтобы уйти от Дитриха, я ни о чем больше не думала. Почти постоянно ощущая поначалу его присутствие, я не сомневалась в том, что он преследовал меня. Не могу точно сказать, в чем это выражалось, но я знала – он находится где-то поблизости. Постепенно это чувство начало проходить, и я расслабилась, сочтя, что он меня потерял.

Так я преодолела довольно большое расстояние и пересекла Уральские горы. На тот момент я не ела уже около месяца. Много сил было потрачено на то, чтобы уйти от погони. Я чувствовала – если немедленно не подкреплюсь, то непременно совершу какую-нибудь глупость.

пость. Добравшись до Москвы, я остановилась в гостинице и решила, что в таком большом городе обязательно найдется пара-тройка людей, заслуживающих наказания. Как только стемнело, я решила пройтись в поисках ужина.

Накинув легкую курточку, я направилась к двери и вдруг замерла у самого порога – в коридоре первого этажа, из которого к моему номеру поднималась лестница, четко раздавались легкие шаги. Вероятно, для человеческого слуха они были неуловимы; и люди восхищались бесшумной и невесомой поступью этого мужчины. Но я без труда могла их слышать. Он шел, не таясь, так как знал – никто здесь не в силах помешать ему. Такая уверенная походка была только у одного знакомого мне существа. У Грэгори. Я нисколько не сомневалась – именно он приближается к моей двери. И еще я прекрасно понимала – он знает, что я слышу его. Возможно, он даже улыбался, подумала я.

Мне стало не по себе при мысли, что он сам меня отыскал. Я знала, как редко он покидает свой дом. Меня испугала оказанная мне честь.

Бежать было бессмысленно. Я почувствовала себя дурочкой, так как всерьез рассчитывала, что мне удастся скрыться от преследователей. Теперь я отчетливо понимала, что в первый раз смогла сбежать только потому, что Грэгори доверял мне и никогда особо не охранял. Мне стала очевидна вся нелепость моей затеи. Дитрих ни на секунду не выпускал меня из виду. Наоборот, он очень умело направлял меня туда, куда ему было нужно. Сейчас я находилась всего в одном дне пути от дома Грэгори.

Я вернулась в свою комнату и устало опустилась в кресло. Из него мне была прекрасно видна входная дверь, в которую с минуты на минуты мог войти Грэгори.

Я не слышала ни стука сердца, ни звука дыхания. Грэгори слишком давно умер, чтобы питать надежду на возвращение жизни. Иногда я сомневалась, был ли он вообще когда-нибудь человеком. Ведь чтобы ни говорили остальные вампиры, все они до сих пор поддерживали в себе иллюзию жизни; я думаю, это связано с неосознанной тоской по прошлому. Так поступали даже такие, как Дитрих, обожающие свое новое воплощение. Впрочем, мне, на самом деле, было не с кем сравнивать, так как Грэг был единственным «первым», которого я лично знала.

Дверная ручка медленно и бесшумно повернулась, и в комнату вошел мужчина в черном классическом костюме и белой рубашке. Легкий плащ длиной до середины бедра был расстегнут, придавая его внешности некоторую небрежность. Темные, слегка выющиеся на концах волосы спадали на лоб. Глаза, как всегда, были полны печали, но на этот раз в них читался и немой укор. Больше всего он походил на доброго папочку, который собирался слегка пожуричь нерадивую дочь. Но меня не могли обмануть ни ласковый взгляд, ни выражение грусти на его лице. Уж я-то знала, что скрывает эта маска отверженного и гонимого всеми существа – под ней пряталось настоящее чудовище, способное на все ради удовлетворения своих желаний.

Его походка была размеренной, а движения – плавными и тягучими. Со стороны казалось, что он идет почти неохотно, как человек, который не только никуда не торопится, но и вообще сомневается в том, что правильно поступил, выйдя из дома. Но это тоже было обманом, напускным безразличием к окружающему. Даже будучи полуприкрытыми, как сейчас, его глаза ни на секунду не переставали следить за происходящим. А по сравнению с той скоростью, которую он был способен развить за секунду, мой самый быстрый бег казался ковылянием младенца.

Грэгори не сводил с меня черных глаз, и я почувствовала, как где-то внизу живота вьет гнездо страх. Один Бог знает, что меня ждет, если Ему, конечно, вообще есть дело до таких, как я.

– Здравствуй, Амаранта, – произнес Грэгори чарующим голосом, и я поняла, что за это время совершенно позабыла, как потрясюще он может звучать. Грэгори говорил со мной так, будто ничего не случилось. Будто мы расстались только вчера утром, и он, как обычно, при-

ветствовал меня в гостиной своего дома. Возможно, это хороший знак, подумала я. Но его следующие слова показали мне, насколько я ошибалась.

– Или, может, мне лучше звать тебя Эмми? – невинно поинтересовался он, усаживаясь в кресло напротив меня.

Внутри все похолодело. Он никогда не называл меня так. Это короткое прозвище придумал Влад; Грэгори не мог его слышать, если только... мне стало совсем не по себе. Как долго следил за мной Дитрих, и что он успел узнать? Судя по словам Грэгори, он вполне осведомлен о Владе и о тех отношениях, что были между нами. Видя мое замешательство, Грэг сделал рукой неопределенный жест, который, вероятно, должен был означать, что я могу не волноваться.

– Успокойся, – сказал он в подтверждение моей догадке, – с ним все в порядке. Я же не какой-нибудь монстр, склонный убивать всех, кто тебе дорог.

Грэгори смотрел на меня с обидой в бесконечно глубоких глазах. Казалось, он страшно возмущен тем, что я могла так о нем подумать. Но угрызения совести не мучили меня, я лишь испытала облегчение от того, что с Владом и его семьей все в порядке. Я знала – в этом вопросе Грэгори можно верить. Тем не менее, у него на руках был козырь – он знал о существовании Влада и его семьи, а это значило, что я, скорее всего, проиграю эту битву. Впрочем, следовало признать, я с самого начала не очень-то рассчитывала на победу.

– Ты не испытываешь счастья от нашей встречи? – спросил он, но, не дождавшись ответа, продолжил. – Меня немного настораживает твое молчание. Складывается впечатление, что ты мне не рада. Надеюсь, я заблуждаюсь, – Грэгори подался вперед в кресле. – Я был *очень* огорчен твоим уходом, – он сделал особое ударение на слове *очень*. – Ты даже не сказала мне «до свиданья». Разве я обижал тебя? Или может, я держал тебя против твоей воли? Мне так не кажется.

Он замолчал, задумчиво поглаживая подбородок. Я боялась лишний раз вздохнуть, нелепо надеясь, что если я не буду двигаться, случится чудо, и он просто забудет обо мне и уйдет. Другого шанса на спасение у меня все равно не было.

Неожиданно Грэг резко встал и направился к моему креслу. Его движения все еще были плавными, но я догадалась, что он с трудом сдерживает гнев. Подойдя вплотную, он склонился ко мне, его лицо оказалось прямо перед моим, и я увидела его глаза. Когда он был в ярости или охотился, они становились такими же черными, как у всех вампиров, с одной лишь разницей: по краям они были обведены кроваво-красным. Это делало его взгляд еще более пугающим. Он был единственным вампиром, у кого я видела такие глаза. Кто-то сказал мне однажды, что это признак возраста, и такой кант появляется только у очень старых вампиров.

Под этим взглядом я теряла всякую волю к сопротивлению, как если бы он гипнотизировал меня. Иногда мне казалось – он способен читать мои мысли, но это, конечно, было всего-навсего фантазией. Одно я знала теперь абсолютно точно: Грэгори был чертовски зол на меня, и это могло стоить мне жизни.

– Я задал тебе вопрос, – гневно прошипел он, не сводя с меня глаз. – Будь добра, ответь мне.

– Нет, – прошептала я, не понимая до конца, что именно отрицаю.

– Что «нет»? – переспросил он, взяв меня за подбородок и приподняв мою голову, так как я пыталась уклониться от его взгляда. – Я обижал тебя? – он повторил вопрос, и я услышала рык в его голосе. Сейчас он уже не был мягким и чарующим, а напоминал гневный голос Зевса-громовержца.

За спиной у Грэга я услышала легкий смешок и только тогда сообразила – мы не одни в комнате. Дитрих, как всегда, неотступно следовал за своим хозяином. Я поняла, что если сейчас не найду способа утихомирить поднявшуюся бурю, то в следующее мгновение окажусь в лапах Дитриха, которому будет разрешено делать со мной все, что взбредет ему в голову, а мне даже думать не хотелось какие планы в состоянии там родиться.

– Прости, – с трудом произнесла я, так как сильная рука Грэгори все еще сжимала мой подбородок. – Ты никогда не обижал меня, – добавила я, как только он немного ослабил хватку.

Он вздохнул, как будто на его плечах лежала забота обо всем мире, и это сильно его тяготило, и отвернулся от меня.

– Дитрих, – негромко окликнул он, и я почувствовала, как по спине пробежал холодок. В эту минуту я готовилась к смерти. Мысли Дитриха, видимо, текли примерно в том же направлении: на его лице появилась самодовольная улыбка. Он уже предвкушал наше тесное общение. Не знаю, по какой причине, но мы с ним не поладили с самого начала. Наша неприязнь была обоюдной. Лично с моей стороны это было связано с его изощренной жестокостью.

– Подожди меня внизу, – отдал распоряжение Грэгори, и я поняла, что чувствует утопающий, который неожиданно увидел проплывающий вдалеке корабль. Моя судьба еще не была окончательно определена. Ведь Грэг мог пожелать лично отправить меня на тот свет. Что-то вроде «я тебя породил, я тебя и убью». Но все же я почувствовала ехидную радость, увидев разочарование на лице Дитриха.

Как только за Дитрихом закрылась дверь, Грэгори снова повернулся ко мне. Его взгляд опять приобрел обычное задумчивое выражение.

– Почему ты так поступила? – спросил он, разглядывая меня, как если бы рассчитывал прочесть на моем лице ответ.

– Я больше не могла убивать людей, – ответила я искренне; я не надеялась, что он поймет меня, но кривить душой все равно не имело смысла.

– Но ведь ты до сих пор пьешь кровь и совершаешь убийства. В чем же разница?

– Я выбираю свои жертвы. Я не могу, как вы, хватать невинных людей и превращать их в прах, – с чувством произнесла я.

– Сколько патетики, – вздохнул Грэг, – и все ради того, чтобы оправдать свою сущность, которая в любом случае остается неизменной, – он подошел к двери, но не открыл ее. Непридуманно облокотившись на косяк, он сказал мне то, что я больше всего боялась услышать. – Я дам тебе еще один шанс. Ты вернешься ко мне, – он проговорил это не терпящим возражений голосом, – или Дитрих сделает с тобой... – тут Грэгори выдержал паузу. – Впрочем, даже я не могу представить, что он с тобой сделает. Ты же знаешь, у парня такая богатая фантазия, – махнув рукой, сокрушенно и вместе с тем иронично добавил он.

Грэгори уже собирался выйти, когда я решила дать ему отпор.

– Я не вернусь, – тихо, но уверенно сказала я.

Он замер, держась за ручку двери. Я видел, как задвигались желваки на его скулах, а левая рука сжалась в кулак.

– Почему же? – спросил он, не оборачиваясь. Его голос был обманчиво сладок, он тек как патока, но я всей кожей ощущала его ярость.

– Я не такая, как ты, и не хочу становиться такой, – бесстрашно бросила я ему в лицо и вдруг почувствовала облегчение. Теперь будь, что будет.

– У тебя есть время до завтрашнего вечера, – повторил он, будто не слышал моих последних слов. – Да, и пожалуйста, не вздумай убежать. Мы все равно тебя найдем, а любой глупый поступок лишь еще больше рассердит Дитриха.

Он распахнул дверь и вышел в коридор. Я осталась один на один со своими неутешительными мыслями. Бежать действительно бесполезно, а возвращаться назад я не собиралась. Остается только смириться с участью, которую приготовил мне Дитрих. Впрочем, есть надежда, что мне удастся уговорить Грэгори лично отправить меня на тот свет. Это мой единственный шанс достойно окончить свое существование.

Глава 5. Решение

Конечно, в тот вечер я никуда не пошла. Я была серьезно настроена умереть, и решила совершить последний добрый поступок, сохранив жизнь тому, кто мог сегодня стать моим ужином. К тому же после разговора с Грэгори у меня почти не осталось сил. Я так перенервничала, что просто валилась с ног. Поэтому я предпочла лечь спать, и пропади оно все пропадом.

Я проснулась только к вечеру следующего дня. Долгий сон не сделал меня бодрее. Впрочем, ничего бы не изменилось даже в том случае, если бы я проспала целую неделю. Для вампира сон – всего-навсего способ сберечь силы, но не приумножить их. Восстановить их могла лишь свежая кровь.

Слегка отодвинув шторы на единственном окне, я убедилась, что солнце еще не окончательно село. О том, чтобы выйти на улицу, не могло быть и речи. Пускай я и не помышляла о побеге, но сидеть на одном месте в ожидании собственной смерти было тяжело.

Я осмотрелась в поисках занятия, которое помогло бы скоротать мне время и не думать о том, что должно случиться сегодня ночью. В моем номере не было ничего, кроме кровати, тумбы с телевизором и пары кресел. Номер был маленьким, но чистым и уютным, а большего мне и не требовалось. Выбор развлечений был невелик, поэтому я включила телевизор, который не смотрела уже, наверное, года три. Быстро пробежав по каналам, я поняла, что не так уж много потеряла. Остановив свой выбор на безобидной передаче, посвященной жизни горилл, я понадеялась, что она поможет мне отвлечься от мыслей о еде.

Поначалу все шло неплохо, но потом две гориллы что-то не поделили, и между ними завязалась кровавая драка. Я мгновенно выключила телевизор, стараясь позабыть только что увиденное, но было уже поздно. Мой рот наполнился слюной, а слух с предательской точностью определил, что прямо за стеной находится живой человек. Я слышала, как бьется его сердце, и даже могла уловить запах его кожи. Его шаги отдавались грохотом в ушах. Это была девушка (я узнала это, услышав её голос); она расхаживала по комнате и говорила по телефону. Каждой клеточкой моего организма я безумно желала оказаться рядом с ней.

Я слишком долго не ела, в этом была моя основная ошибка. Мне с трудом удалось заставить себя остаться на месте. Я легла на кровать и прикрыла глаза, пытаюсь сосредоточиться. Я давно научилась сдерживать голод, но чем сильнее он был, тем труднее мне приходилось. Я старалась не доходить до состояния, когда голод начинал контролировать меня, а не я его.

Постепенно мне удалось отвлечься от мыслей о девушке за стеной. Я расслабилась и, кажется, задремала. Меня разбудил звук открывшейся двери. Я тут же вскочила с кровати и замерла. Как я могла настолько отключиться от реальности, чтобы не слышать шагов моих палачей?

Первым в комнату вошел Дитрих. Он был весел и очарователен, как всегда. Забавно, он поначалу почему-то ассоциировался у меня с маленьким принцем Экзюпери, только немного подросшим и превратившимся из ребенка в прекрасного юношу: тот же чистый взгляд, светлая улыбка и милые ямочки на щеках. Именно так я всегда представляла себе этого героя. Но потом я узнала его поближе, и образ доброго мальчика исчез, уступив место образу кровожадного маньяка, одержимого стремлением причинять боль. Сегодня на нем был светло-бежевый костюм и фетровая шляпа в тон; он слегка приподнял ее, приветствуя меня. Он походил на настоящего пижона. Я знала – Дитрих любит дорогие и красивые вещи, и подумала: может, мне повезет, и он не захочет пачкать кровью свой дизайнерский костюм. Дитрих прошел к окну, отдернул шторы, впуская в комнату свет от неоновых реклам, и застыл, облокотившись на подоконник и не сводя с меня внимательных глаз.

Следующим появился Грэгори. Его движения были еще более медлительными, чем вчера. Он выглядел так, будто присутствует на спектакле, конец которого заведомо известен,

и поэтому ему нестерпимо скучно. Он сел в то же кресло, что и накануне, и смерил меня изучающим взглядом.

Я чувствовала себя главным экспонатом какой-то выставки. Оба мои визитера, не отрываясь, смотрели на меня, а я по-прежнему с обреченным выражением лица стояла посреди комнаты, тоскливо ожидая своего конца.

Грэгори и Дитрих молчали, и я решила, что они ждут ответа на свое вчерашнее предложение. Я открыла рот, чтобы сказать решительное «нет», но Грэг опередил меня.

– Расскажи мне о нем, – спокойно произнес он, это, и я не сразу поняла, кого конкретно он имеет в виду. – Почему ты остановила свой выбор именно на этом человеке?

Слово «человек» прозвучало в его устах почти как грубое ругательство, но я догадалась, что речь идет о Владе. Грэгори хотел знать, как я могла опуститься до того, чтобы увлечься обычным смертным. Вряд ли в нем говорила ревность – мы с ним никогда не были по-настоящему близки, хотя я поначалу просто боготворила его. Но у него была красавица Сибилла, еще один вампир с огромным жизненным стажем. Грэгори и Сибилла так хорошо понимали друг друга, что я даже удивлялась этому, пока не пришла к заключению, что так узнать другое существо, можно только проведя с ним не одну сотню лет. Иногда мне казалось, что они даже думают одинаково. Одно время это меня раздражало, но потом я поняла, что такие отношения нельзя разрушить. Это нечто гораздо большее, чем просто любовь. Я бы назвала это родством душ. Я даже начала мечтать, что когда-нибудь и у меня будет столь же близкий человек. А потом я его встретила и умудрилась тут же бездарно потерять.

Я решила, что вопрос Грэга продиктован любопытством. Пожалуй, ему на самом деле интересно, как вампир может увлечься человеком – ведь для него слово «человек» было синонимом слова «еда». В его глазах это действительно должно было выглядеть забавно, как если бы я влюбилась, например, в бутерброд с колбасой.

– Я не знаю. Это случилось само собой, помимо моей воли, – я подумала, что разговор может отсрочить мою казнь, и решила его поддержать. К тому же сегодня Грэг выглядел вполне миролюбиво. – Вероятно, это судьба.

– Судьба, – он фыркнул, и на его лице появилось презрение. Я вспомнила, он не раз говорил мне, что не верит в фатум. – Тогда ты и меня должна считать частью своей судьбы, – скептически изогнув бровь, уверенно произнес он. – Разве не я сделал тебе тем, кто ты есть? Где ты была сейчас, если бы не я? – и он замолчал, ожидая ответа. Но я не знала, что ему сказать, так как начала понимать, к чему он клонит, и это мне не нравилось.

– Я отвечу. Тебе было бы сейчас лет сорок, Амаранта. Как думаешь, посмотрел бы на тебя тот, кого ты считаешь своей судьбой? Или, может быть, он прошел бы мимо женщины, которая годится ему в матери? – Грэгори усмехнулся, празднуя победу. – Выходит, ты должна меня благодарить за эту встречу, – заканчивая мысль, он слегка поклонился мне, не вставая с кресла.

– Только ты умеешь так искажать факты, – ответила я ему с обидой в голосе, но какая-то часть меня подозревала, что он, возможно, прав.

– Вот только не надо этих сцен. Давай обойдемся без трагических монологов, – Грэгори встал, двинулся в мою сторону и, остановившись в шаге от меня, коснулся рукой моей щеки.

– Ты холодна, как лед, – озвучил он свои наблюдения, которые явно сделал еще вчера. Но даже сейчас я была намного теплее его, хотя он наверняка не изнурял себя диетой. Это еще одна его особенность, связанная с возрастом. Сколько бы крови он ни выпил, к нему никогда не возвращалось тепло, и его кожа всегда оставалась бледной. Было время, когда я отчаянно пыталась узнать, сколько же ему на самом деле лет, но даже Сибилла не смогла ответить мне на этот вопрос.

Я заглянула в его глаза, и мне вдруг стало нестерпимо больно. Я поняла, как одиноко мне было все это время.

– Хватит игр. Пора вернуть домой, девочка, – прошептал Грэг мне на ухо. – Ты являешься членом нашей семьи. Семьи вампиров. Возможно, я и совершил ошибку, обратив тебя, но что-то менять уже слишком поздно.

Я была готова сказать ему «да», потому что понимала – он прав. Я не могла ни изменить себя, ни вернуть прошлое. Мои губы уже разжались, чтобы произнести это короткое слово, но за секунду до того, как воздух покинул легкие, я взглянула на Дитриха, по-прежнему стоящего у окна. Его губы искривились в злорадной улыбке, а в глазах светилась ненависть и жажда крови. Я представила, что стану такой же, и мне стало противно. В последнюю секунду я успела изменить свой ответ.

– Нет, – выдохнула я.

В ту же минуту все изменилось. Между мной и Грэгори словно выросла стена. Я физически ощутила холод, которым повеяло в комнате. Грэг отошел на несколько шагов; он все еще смотрел в мою сторону, но его взгляд, казалось, проходил сквозь меня. Я испытала неприятное ощущение, будто меня нет в этом номере, будто я уже умерла и превратилась в призрака. Мне показалось, что я даже перестала отражаться в его глазах. Улыбка Дитриха стала еще шире, а глаза начали медленно темнеть. Чернота разрасталась, начиная со зрачков, и я почувствовала, как ужас поднимается во мне подобно цунами. Больше ничего не сказав, Грэг повернулся и направился к двери.

– Грэгори! – окликнула я его полным отчаяния голосом. – Умоляю, – прошептала я, когда он остановился. У меня появилась была надежда, но она сразу растаяла, когда я поняла, что Грэг задержался лишь для того, чтобы дать последнее распоряжение Дитриху.

– Сделай все, как я тебе велел, – бросил он и покинул комнату.

Как только захлопнулась дверь, Дитрих бросился на меня. Я не успела даже повернуть голову в его сторону, не то что попытаться защитить себя. Он отшвырнул меня к стене, и я почти сразу лишилась сил. Вероятно, я могла бы сопротивляться, если бы не была так голодна, но в тот момент я была совершенно беспомощна. Я двигалась со скоростью улитки, тогда как Дитрих напоминал ураган. Не успела я подняться на ноги, как он снова оказался поблизости. Склонившись надо мной, он улыбнулся мне милой улыбкой, и я заметила клыки, выступающие из-под его верхней губы. Перед тем, как мир для меня померк, я успела подумать: надеюсь, он не станет пить мою кровь. Не хочется, чтобы даже самая малая часть меня стала им.

Глава 6. Дом

– Доброе вечер, солнышко.

Ласковый голос выдернул меня из небытия. Должно быть, я уже давно начала приходить в себя, так как какое-то время назад стала слышать посторонние звуки, проникающие в мое забытье. Но именно этот голос, полный искренней заботы и материнской любви, окончательно привел меня в чувства.

Вначале я подумала, что попала в рай, и со мной говорит ангел, так прекрасен был этот голос. Но потом ко мне вернулась боль, и я почувствовала, что все тело ноет и ломит, как будто меня переехал асфальтовый каток. Я осторожно пошевелила пальцами правой руки. Не то чтобы боль оказалась нестерпимой, но приятного все же было мало. Сильнее всего болела спина, на которой я, кстати говоря, лежала. Мне тут же вспомнился полет через весь гостиничный номер и последовавший за ним удар о стену.

Приоткрыв глаза, я увидела высоко над собой мерцающий в неярком искусственном освещении белый потолок. Чья-то теплая рука лежала на моей, приятно согревая её. Я попыталась повернуть голову, чтобы рассмотреть сидящего рядом обладателя чудесного голоса, но лишь поморщилась от боли и бросила эту затею.

Очень скоро я поняла, что лежу в кровати. В комнате царил полумрак, но где-то слева от меня находился источник света, предположительно – светильник.

Я никак не могла взять в толк, каким образом мне удалось выжить. Вряд ли я смогла одержать победу над Дитрихом, но как еще можно объяснить мое чудесное спасение?

– У тебя такие холодные руки, солнышко, – сокрушенно произнес ангел сбоку от меня. – Вот выпей. Уверена, это поможет.

Сильные руки помогли мне приподняться, причем так, что я даже не почувствовала боли. К губам приложили бокал, и я несмело сделала первый глоток. Но уже через секунду я жадно пила терпкую красную жидкость, которая плескалась в бокале. Я захлебывалась и давилась, но голод был настолько велик, что я не могла остановиться и пролила часть драгоценной жидкости на одеяло. Кем бы ни являлась обладательница нежного голоса, она поила меня кровью, и я была ей за это благодарна.

Осушив бокал, я откинулась на подушки, ощущая, как волна тепла распространяется по телу, залечивая раны. Под её напором отступила даже боль. Заботливая рука вытерла пролитые капли крови с моего подбородка. Уже через пару минут я смогла повернуть голову и осмотреть комнату как следует.

Я действительно лежала на огромной кровати, обложенная со всех сторон расшитыми подушками. На стенах, оклеенных светло-сиреневыми ткаными обоями с изысканным рисунком в стиле французских дворцов, играл свет. Чуть поодаль справа от кровати стояло трюмо из резного дерева с маленьким пуфиком. У противоположной стены находился камин с банкеткой и небольшим столиком из дымчатого стекла. На огромных, выше человеческого роста окнах, полностью скрывая их, висели тяжелые шторы, тоже сиреневые, но более насыщенного оттенка. Комната представляла собой странный сплав предметов старины и современных технологий. Например, прямо над камином висел огромный плазменный телевизор, специально расположенный так, чтобы его можно было смотреть, не вставая с кровати.

– Тебя нравится? – спросил голос, обладательницу которого я еще не успела разглядеть. – Я все здесь немного изменила, надеюсь, ты оценишь.

Испытывая странное предчувствие, я повернулась вправо, где должна была находиться та, что говорила со мной все это время. Как только я заглянула в огромные глаза непередаваемого медного оттенка, моя голова снова закружилась. Передо мной сидела девушка двадцати двух лет; у неё были самые добрые глаза, что мне когда-либо доводилось видеть в жизни.

Её каштановые волосы, заколотые назад, волной спускались до талии, которая, к слову, была очень тонкой и изящной. Щеки девушки горели румянцем, а губы были ярко-алого цвета, и я знала, что она никогда их не красит. На ней было желтое платье, лиф которого облегал фигуру, переходя в пышную юбку. Её любимый цвет, вспомнила я автоматически. Он напоминал ей о солнце, которого она, как все вампиры, была лишена.

– Я так рада, что ты снова с нами, солнышко, – произнесла Сибилла, искренне улыбаясь мне. Я ничего толком не знала о её происхождении, но, кажется, она была родом откуда-то из Европы. Впрочем, сейчас это было практически невозможно определить, так как она говорила на многих языках почти без всякого акцента.

Её улыбка была искренней в отличие от улыбки Дитриха, но я знала, что она мне не поможет. Сибилла – милая и по-своему даже добрая, по крайней мере, с теми, кто входит в её семью, но этим все и ограничивается. Конечно, она бы стала драться за каждого из нас до самого конца, но только не против Грэгори. Прикажи он, и она спокойно смотрела бы на мою смерть без капли сочувствия или сожаления. Сибилла была хозяйкой этого дома; в каком-то смысле она заменяла отпрыском Грэга мать. Она многому меня научила, например, тому, как выживать среди людей. Но я знала – какой бы милой она не была, Сибилла в числе тех, кто с восторгом смотрит на похождения Дитриха, считая его чуть не лучшим творением Грэгори. В мире вампиров даже доброта и ласка – относительная величина.

Как только я поняла, кто передо мной, до меня сразу дошло, где я нахожусь. Вероятно, Дитрих оставил мне жизнь, выполняя очередной приказ Грэгори. Недаром тот, прежде чем уйти, напомнил ему о своем распоряжении. Таким образом, Грэг, как всегда, не посчитался с моим мнением и против воли вернул меня домой.

Теперь я действительно узнавала комнату, в которой находилась. Когда-то она была моей. С тех пор прошло немало лет, и Сибилла успела сделать тут ремонт, подогнав комнату под общую стилистику дома, который, кстати, тоже был оформлен ею.

– Тебя надо отдохнуть, – Сибилла встала и заботливо поправила на мне одеяло. – Я зайду позже, набирайся сил, – она поцеловала меня в щеку и направилась к двери.

– Сибилла, – хрипло позвала я. Девушка повернулась и вопросительно взглянула на меня. – Как я сюда попала?

– Тебя принес Дитрих, – спокойно ответила она.

– Он чуть не убил меня, – выпалила я в приступе внезапного гнева.

– Не преувеличивай, солнышко, – улыбка Сибиллы стала шире, и я поняла – моя попытка найти в ней союзницу провалилась. – Он сделал только то, что должен был. Ты заставила нас всех поволноваться, но теперь все снова будет хорошо. Я уверена.

Сибилла ушла, а я подумала, что иногда она становится похожа на сумасшедшую, которая упорно отрицает действительность. Она называла каждого из нас не иначе, как солнышком, за исключением, конечно, Грэгори, и я не могу припомнить, чтобы она хоть раз повысила голос. Но я была свидетельницей тому, что она спокойно наблюдала, как Грэг свернул шею одному из её солнышек – вампиру, который осмелился пойти против его власти. Правда, я никогда не жалела о смерти Николая, он был порядочной сволочью, но отношение Сибиллы меня покорило. В этой хрупкой и внешне безобидной девушке жила тигрица, способная кого угодно разорвать на части за несколько секунд. Недаром Грэг именно её выбрал в свои спутницы, и никто до сих пор не осмелился оспорить это место.

Вспомнив о Грэгори, я тут же подумала о побеге. Однажды мне уже удалось бежать, стоило попытаться еще раз, но не сразу. Сначала мне надо усыпить их бдительность. Я решила дожидаться, когда мне снова начнут доверять, потому что пока я находилась под бдительным наблюдением, и ласковый голос Сибиллы не ввел меня в заблуждение. Я чувствовала постороннее присутствие за дверью спальни.

Решив прогуляться по дому, я встала с кровати. Вряд ли мне запрещено выходить из спальни. Я залезла в огромный дубовый шкаф, и к своему удивлению нашла там весь свой старый гардероб. Видимо, они действительно рассчитывали на мое возвращение, раз не стали выбрасывать одежду. Я выбрала черные, облегающие леггинсы и тунику светло-зеленого цвета с прикольными карманами. Я осталась босиком, испытывая невероятное удовольствие от того, что мне больше не надо прятаться и прикидываться тем, кем я не являюсь. Невероятно, но в возвращении домой можно найти и приятные моменты.

Толкнув дверь, я вышла в коридор. Там, в самом деле стоял вампир, которого я не знала. Он не попытался меня остановить, и я поняла, что не ошиблась, и могу свободно ходить по дому. Уверена, если я попытаюсь выйти на улицу, все изменится. Но я решила оставить эксперименты на потом, незачем нервировать хозяина.

Я шла по длинному темному коридору третьего этажа, в который выходили двери спален. Сейчас все комнаты были пусты. Никого не встретив, я спустилась по лестнице и оказалась в огромном, бело-золотом холле. Прямо передо мной находилась парадная дверь, но я всеми силами старалась игнорировать её. Пол здесь был выложен плиткой, а потолок украшала огромная хрустальная люстра. Направо была гостиная, а слева находился кабинет Грэга, куда посторонним вход строго воспрещен.

Я стояла посреди холла и с ужасом узнавала все до мельчайших деталей. Дом был мне до боли знаком, я провела здесь двадцать один год и, откровенно говоря, это были не самые плохие дни моей жизни.

Из гостиной доносились звуки голосов, и я направилась туда. Высокая дверь, через которую можно спокойно провести жирафа, была приоткрыта, и я имела шанс рассмотреть все, что происходит в комнате, оставаясь незамеченной.

В центре голубой гостиной стоял круглый стол, опоясанный полукруглым белым диваном. У стены располагался огромный камин, почему-то Сибилла считала каминным атрибутом хорошего дома. Пол устилал ковер цвета кофе с молоком. Окно, как и везде в доме, было плотно задернуто шторой, а прямо перед ним стояли подставки с цветочными горшками, потому что Сибилла ко всему прочему увлекалась разведением комнатных растений. Тут же находились столик для игры в преферанс, телевизор, стереосистема и прочие атрибуты обычной жизни.

В комнате сидело четверо вампиров. Сибилла играла в карты с Дитрихом, они о чем-то весело болтали, и смеялись как дети. Я всегда считала, что эти двое очень подходят друг другу. Оба не от мира сего.

Мое внимание привлекла другая пара, расположившаяся на диване перед телевизором. Я хорошо знала и парня, и девушку, даже когда-то считала их почти что родственниками, но теперь я понятия не имела, как они отреагируют на мое возвращение. Молодого человека звали Андрей, он был родом из Москвы и выглядел на двадцать с небольшим, хотя на самом деле был старше Дитриха. После смерти Николая Андрей стал третьим по старшинству. Его коротко стриженные, темно-каштановые с золотистым отливом волосы торчали непослушным ежиком, серые глаза напоминали хмурое небо перед грозой. Андрей нравился мне больше, чем Дитрих, но и он был далек от того, чтобы считаться моим другом. Равнодушный ко всем моим переживаниям и теориям, касающимся жизни вампиров, он не вызывал во мне симпатии. Впрочем, ради справедливости следует упомянуть, что Андрей вообще был безразличен ко всему, что творилось в этом доме и за его пределами. Казалось, этот мир безмерно надоел ему за те неполные триста лет, что он в нем прожил. Небрежный в одежде так же, как и во всем остальном, он предпочитал носить джинсы и майки. Вот и сейчас на нем были широкие штаны сложного зеленого оттенка и простая черная футболка.

Мою названную сестру, соседку Андрея, звали Лидией. На самом деле её имя Людмила, но она предпочитала, чтобы все называли её именно так. В свои почти сто лет она выглядела

на восемнадцать. Лидия тоже была русской по национальности, но в отличие от Андрея не могла похвастать столичным происхождением. Единственное, что по-настоящему волновало её в этой жизни – это её драгоценная внешность. Надо отдать ей должное, даже среди вампиров она считалась непревзойденной красавицей. Длинные русые волосы, глаза цвета спелой вишни, нежный румянец и по-девичьи стройная фигура делали её очень привлекательной. Естественно, Лидия предпочитала носить короткие декольтированные платья, у которых была лишь одна цель – подчеркнуть её длинные ноги и высокую грудь. Поэтому все они были примерно одного фасона, и различались, по сути, только цветом. Сегодня Лидия была в малиновом.

Я немного огорчилась из-за отсутствия еще одной названной сестры, Марины. Она родилась и выросла на Украине, но, как и все остальные, жила теперь у Грэгори. Мы с ней всегда неплохо ладили, и она, в принципе, сочувствовала моим переживаниям, но полагала, что нашу природу изменить невозможно. В итоге она оказалась права. У Марины был мягкий характер, и я любила её за это. В этом доме только она на самом деле слушала меня. Выходило так, что я была изгоем в своей семье. Вероятно, это еще одна причина, по которой я сбежала.

То, что Марина отсутствовала, разочаровало меня, ведь я очень рассчитывала на её поддержку. Похоже, мне придется справляться своими силами.

Пора было выйти из укрытия, тем более что мое присутствие уже заметили: Дитрих косился на дверь с надменной улыбкой, явно гордясь своей недавней победой надо мной.

Толкнув дверь, я шагнула в комнату и остановилась, ожидая реакции присутствующих. Андрей скользнул по мне взглядом и тут же отвернулся, всем видом демонстрируя, что не увидел ничего интересного. Лидия изобразила одну из своих очаровательных улыбок, столь же фальшивую, как и её обладательница. Дитрих с самодовольным видом откинулся на стуле и подмигнул мне. Мне показалось, что после случившегося он считает, будто нас что-то связывает. Неужели он все-таки попробовал мою кровь? Я непроизвольно дотронулась до шеи, но не нашла на ней никаких следов укуса. Но ехидная усмешка Дитриха стала еще шире, и я дала себе зарок – как только останусь одна, непременно проверю, нет ли на мне следов от укусов. Одна только Сибилла поднялась мне навстречу.

– Солнышко, не рано ли ты встала? – проворковала она, направляясь ко мне. – Тебе надо беречь силы. Той крови, что я тебе дала, слишком мало, чтобы восстановить их до конца. Ты все еще такая бледненькая, – она сокрушенно покачала головой и поправила мои волосы.

Я знала, что Сибилла права: я голодна. Крови, которую она мне дала, не хватило бы даже на то, чтобы утолить малую часть моего голода, и я рассчитывала, что мне удастся достать еще. Это было основной причиной, по которой я решила выйти из своей комнаты.

Я постаралась улыбнуться Сибилле в ответ.

– Я думала раздобыть еще, – неуверенно произнесла я, изображая из себя маленькую девочку, так как знала, что ей это понравится.

– О, – она замешкалась, оглянувшись на Дитриха – прости, солнышко, но у меня ничего больше нет.

Дитрих поднялся, подошел к нам, остановился позади Сибиллы и улыбнулся мне.

– Тебя ждет Грэгори, – он указал рукой на дверь, приглашая меня следовать в этом направлении.

Ища поддержки, я посмотрела на Лидию и Андрея.

– Думаю, вам есть о чем поговорить, – заметила Лидия. Она говорила, чуть растягивая слова, так как считала, что это придает её голосу дополнительный шарм.

Стало ясно – она мне не помощник. Андрей вообще проигнорировал мой немой призыв. Вдохнув, я направилась к двери. Дитрих пошел следом. В коридоре он обогнал меня, остановился у входа в кабинет Грэга и повернулся ко мне лицом. Пока я шла ему навстречу, он

смотрел на меня скользким изучающим взглядом. Мне стало противно, и я решила продемонстрировать свое отвращение.

– Я мечтаю лишь о том, как сотру эту гнусную улыбку с твоего лица, – подойдя поближе, шепнула я ему.

– Это так мило с твоей стороны – мечтать обо мне, – томным голосом передразнил он. – Но боюсь, сестренка, не я твоя основная проблема, – с этими словами он открыл дверь кабинета и втолкнул меня внутрь, да так быстро, что я не успела ничего сказать ему в ответ.

Дверь за моей спиной захлопнулась. Я стояла в святой святых – кабинете Грэгори. В отличие от остальных помещений этого дома, он был выдержан в темных тонах. Это однозначно говорило о том, что Грэг сам потрудился над интерьером, взять хотя бы обои темно-коричневого цвета с золотистым рисунком. Здесь тоже был камин; только в этой комнате он использовался по назначению. Вот и сейчас в нем потрескивали дрова. Камин был единственным источником света в кабинете. Грэгори не любил электрическое освещение. На полу лежал толстый ковер с длинным мягким ворсом. Рабочий стол окружали многочисленные книжные полки. Как любой бессмертный, которому нечем занять себя в дневное время, Грэг любил читать.

В этом кабинете Грэгори принимал гостей, среди которых довольно часто были и люди. С ними он вел свой бизнес, связанный, конечно, с ночной жизнью города. Именно на эти деньги семья вампиров безбедно существовала многие годы.

Хозяин кабинета сидел в кресле у камина и внимательно смотрел на огонь. В руке он держал бокал с красной жидкостью, она вызывающе переливалась, дразня меня. Я почувствовала, как во мне начал нарастать голод. В бокале, конечно же, была кровь, я могла уловить её терпкий запах. Я бы многое сейчас отдала, чтобы завладеть бокалом, и он это прекрасно знал. Думаю, этот бокал находился здесь специально для меня.

– Амаранта, я рад, что ты нашла время зайти ко мне. Нам есть о чем поговорить, – голос Грэгори был спокоен и полон радушия.

– Ты обманул меня, – я начала с обвинений, но мои мысли постоянно возвращались к бокалу.

– Неужели? – он обернулся ко мне, выглядя при этом удивленным.

– Ты сказал, что у меня есть выбор.

– Ах, вот в чем дело, – вампир перевел взгляд на бокал и качнул его из стороны в сторону, любуясь, как переливается вязкая жидкость. – Выбор, конечно, есть всегда, моя милая.

– Тогда зачем я здесь? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно.

– Чтобы сделать свой выбор, разумеется. Зачем же еще? – произнеся это, он залпом осушил бокал и поставил его на столик.

Я почувствовала себя так, будто у меня только что отняли последнюю надежду на счастье. Я еле сдерживалась, чтобы не заплакать.

– Ты голодна. Рано или поздно тебе придется поесть. Ты можешь терпеть, сколько тебе вздумается, а можешь просто взять то, что тебе нужно, – подытожил он свою мысль.

При его последних словах дверь распахнулась, и вошел Дитрих, волоча за собой перепуганного мальчишку лет четырнадцати. Глаза парня, широко распахнутые от ужаса, смотрели прямо на меня, а его сердце стучало со скоростью пулемета. Он явно должен был послужить одним из основных блюд сегодняшнего ужина. Я пришла в ужас при мысли о том, чтобы причинить ему вред, но мой организм среагировал по-своему. Передние зубы начали ныть, и я с трудом сдержалась, чтобы не оголить подросшие клыки. Моей реакцией вызвало у Грэгори улыбку, и именно это помогло мне вернуть контроль над собой. Не хватало мне только снова стать его марионеткой.

– Вот он, твой выбор: либо его смерть, либо твоя, – предложил Грэг, указывая на мальчика.

– Если я не стану пить его кровь, ты убьешь меня? – спросила я устало. Все эти игры начали утомлять меня, да и борьба с собой давалась нелегко. Единственное, чего я сейчас хотела – чтобы меня оставили в покое. Для этого надо умереть? Что ж, я готова. К тому же, если в моей жизни и был какой-то смысл, недавно он исчез окончательно. Я все равно представляла собой лишь оболочку, лишённую внутреннего содержания. Все, что когда-то было мною, погибло в тот момент, когда Влад оставил меня. Так стоило ли продолжать цепляться за такую жизнь?

В комнату вошла Сибилла. Она грациозно прошла мимо нас с Дитрихом и опустилась на подлокотник кресла, в котором сидел Грэгори. Её улыбка сохраняла нежность даже в этой ситуации, а глаза были полны печали. Похоже, она всерьёз увлеклась ролью матери нерадивой дочери.

– Солнышко, никто здесь ни причинит тебе вреда, – проворковала она, ласково глядя на меня. Её рука лежала на плече Грэга, а пальцы привычным движением поглаживали его пиджак. – Единственный, кто может навредить тебе – это ты сама, – заключила она, и Грэгори кивнул в знак согласия.

– Подумай, если ты не будешь пить кровь, ты погибнешь от истощения, – он невесело улыбнулся. – Никто не станет насильно заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь. Но и помогать тебе тоже никто не будет. Ты все должна решить сама.

– Будь умничкой, – попросила Сибилла с заботой в голосе, – сделай то, что следует.

Я посмотрела на подростка, замершего в нескольких шагах от меня. У него был безумный взгляд человека, который не понимает, куда он попал, но догадывается, что ничто хорошее его тут не ждет. Я знала – даже если откажусь от предложенного мне блюда, его все равно ждет смерть. Не я, так другие убьют его сегодня ночью. Эта мысль могла бы послужить мне опорой, но я чувствовала – стоит мне сделать это, и я уже никогда не смогу жить в мире с собой.

– Прости, – прошептала я, и на секунду на лице Грэгори появилось торжествующее выражение, но потом он понял, что мои слова обращены к нему. Его кулаки сжались, а глаза стали еще темнее, чем обычно. Еще секунда, и он бы бросился на меня. Тогда меня бы уже ничто не спасло, но тут вмешалась Сибилла. Она встала и подошла ко мне, закрыв меня своим телом от Грэга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.